

Долина Молчания

Автор:

[Нора Робертс](#)

Долина Молчания

Нора Робертс

Трилогия Круга #3

Вампир Киан и принцесса Мойра осознают, что по-настоящему влюблены друг в друга, но изо всех сил стараются противиться чувствам: их страсть с каждым днем все сильнее, но они понимают, что им никогда не быть вместе, ведь вампир не пара человеку. Тем временем повелительница демонов Лилит в преддверии решающего сражения прилагает все больше усилий для устранения «круга шести»: пытается проникнуть в сновидения своих врагов, подсылает к ним кровожадных слуг, устраивает всевозможные ловушки и засады.

Наконец наступает ночь праздника Самайн, во время которого люди и вампиры сходятся в смертельном бою...

Нора Робертс

Долина Молчания

Моему собственному кругу,

друзьям и родным

Добро и зло, как мы знаем, растут в этом мире вместе и почти неразлучно...[1 - Мильтон Д. Ареопагитика. Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к

парламенту Англии (1644). Пер. под ред. П. Когана. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)]

Д. Мильтон

Знай, я не тот, что был...[2 - Шекспир У. Король Генрих IV. Пер. Б. Пастернака. (Прим. перев.)]

У. Шекспир

Пролог

В огне мелькали образы. Драконы, демоны, воины. Дети увидят их, как видит он. Старик знал: только самые юные и самые старые способны разглядеть то, что недоступно остальным. Или что люди в большинстве своем просто не хотят замечать.

Он уже о многом им поведал. Его рассказ начался с того, как богиня Морриган сообщила магу Хойту из рода Маккена, что боги отправляют его в другие миры и другие эпохи и поручают собрать армию, которой предстоит сразиться с королевой вампиров. Великая битва между людьми и демонами должна состояться в ночь праздника Самайн в Долине Молчания, которая находится в стране Гилл.

Старик рассказал о брате мага Хойта, убитом и превращенном в вампира коварной Лилит, возраст которой насчитывал почти тысячу лет. Еще через тысячу лет Киан вновь встретился с Хойтом и ведьмой Гленной, и они стали первыми звеньями круга шести. К ним присоединились двое уроженцев Гилла – человек, который способен менять облик, и ученый. Они перенеслись в другой мир, чтобы встретиться с остальными избранными. Последним звеном стала женщина-воин, охотница на вампиров из рода Маккена.

Старик поведал о битвах и отваге, о смерти и дружбе. И о любви. Любовь – она загорелась ярким пламенем между магом и ведьмой; тот, кто умел менять облик, и женщина-воин тоже почувствовали взаимное влечение. Любовь

упрочила круг избранных.

Но еще многое осталось недосказанным. Триумфы и потери, страх и мужество, любовь и жертвенность – неизменные спутники борьбы тьмы и света.

Дети с нетерпением ждали продолжения, и старик размышлял, с чего лучше начать последнюю часть истории.

– Их было шестеро, – произнес старик, не отрывая взгляда от огня; детский шепот стих, и малыши замерли в ожидании. – И каждый оказался перед выбором: участвовать в битве или отказаться. Потому что, даже если ты отвечаешь за судьбы миров, ты все равно должен выбирать: дать бой тому, кто грозит уничтожить эти миры, или уклониться. А с этим решением, – продолжил он, – связаны и многие другие.

– Они были смелыми и честными! – выкрикнул кто-то из детей. – И выбрали битву!

Старик улыбнулся.

– Именно так. Но им по-прежнему приходилось выбирать – каждый оставшийся день, каждую ночь. Как вы помните, один из шестерых был не человеком, а вампиром. Ему постоянно напоминали об этом. Он был всего лишь тенью в мирах, которые вызвался защищать.

Итак, – сказал старик, – вампир спал.

1

Он спал. И во сне был еще человеком. Молодым, возможно, глупым и, вне всякого сомнения, нетерпеливым. В его сне присутствовала та, кого он считал женщиной, прекрасной и необыкновенно притягательной.

На ней было красивое платье, темно-красное, с длинными широкими рукавами и гораздо более изысканное, чем того заслуживал обычный деревенский паб.

Ткань струилась по телу женщины, словно хороший кларет[3 - Кларет – общее название для красных бордоских вин в Западной Европе.], и выгодно оттеняло белоснежную кожу. Завитки золотистых волос поблескивали над головным убором.

Роскошное платье, драгоценные камни на шее и пальцах – все свидетельствовало о богатстве и высоком положении женщины.

В тускло освещенной комнате трактира она показалась ему пламенем, полыхавшим в полутьме.

Двое слуг приготовили для дамы отдельную комнату, а при ее появлении стихли музыка и гул голосов. Но взгляд ее глаз, голубых и пронзительных, словно летнее небо, встретился с его взглядом. Только с его.

Когда один из слуг снова появился в общем зале, подошел к нему и объявил, что леди приглашает его отужинать с ней, он не колебался ни секунды.

С чего бы это?

Возможно, он улыбнулся в ответ на добродушные подтрунивания своих друзей, но покинул их без размышлений.

Вот она стоит, освещенная огоньками свечей и пламенем камина, и уже наливает в чаши вино.

– Я так рада, что ты согласился составить мне компанию. Не люблю ужинать одна, а ты? – Женщина приближается; ее движения настолько грациозны, что она словно плывет над полом. – Меня зовут Лилит. – Она протягивает ему вино.

В ее выговоре проскальзывает какой-то странный акцент, а модуляции голоса вызывают в памяти горячий песок и буйно цветущую лозу. Так что он уже наполовину соблазнен и полностью очарован.

Они делят скромный ужин, хотя пища его совсем не привлекает. Киан жадно впитывает ее слова. Лилит рассказывает о землях, в которых побывала и о которых он лишь читал. Женщина описывает, как гуляла среди освещенных

луной пирамид, как неслась вскачь по холмам Рима, как стояла среди руин греческих храмов.

Киан никогда не покидал пределов Ирландии, и слова женщины, а также вызванные ими образы волновали его не меньше, чем она сама.

Он подумал о том, что Лилит так молода, а уже столько повидала. Но когда он сказал ей об этом, она лишь улыбнулась, склонившись над чашей с вином.

– Какой прок во всех этих мирах, – спрашивает она, – если не получать от них удовольствия? Я наслаждаюсь ими. Вкус вина, вкус пищи, новые земли. Ты слишком молод, – произнесла она с медленной, пронизательной улыбкой, – чтобы довольствоваться малым. Хочешь увидеть то, чего никогда раньше не видел?

– Думаю, потребуется не меньше года, когда мне представится такая возможность, – чтобы посмотреть мир.

– Год? – Рассмеявшись, она щелкнула пальцами. – Что такое год? Всего лишь ничтожное мгновение. Что бы ты делал, будь в твоём распоряжении целая вечность? – Лилит наклоняется к нему, и ее глаза кажутся бездонными синими озерами. – Что бы ты делал с вечностью?

Не дождавшись ответа, Лилит встала и подошла к маленькому окну, оставляя за собой ароматный шлейф духов. – Ах, какая нежная ночь. словно шелк на коже. – Она оглянулась, и ее дерзкие голубые глаза сверкнули. – Я ночное существо. И ты, мне кажется, тоже. Именно в темноте проявляются наши лучшие стороны.

Киан подошел к ней, и теперь, когда она была совсем близко, исходящий от женщины аромат, смешиваясь с винными парами, заглушил все остальные чувства. И что-то еще – густое и плотное, словно дым, – окутало его разум, будто дурман.

Запрокинув голову, она поцеловала его.

– И если нам так нравится тьма, почему бы не провести эти ночные часы вдвоем?

А потом все будто заволгло туманом – сон внутри сна. Вот Киан уже в карете – обхватывает ладонями ее пышную белую грудь, прижимается губами к ее горячим, жадным губам. Она смеется, когда он путается в ее юбках, и призывно раздвигает ноги.

– Сильные руки, – шепчет Лилит. – Красивое лицо. Именно это мне и нужно – и я беру. Ты принимаешь мое предложение? – Снова рассмеявшись, она тербит зубами его ухо. – Да? Принимаешь – молодой, красивый Киан с сильными руками?

– Да, конечно. Да. – Он не мог думать ни о чем, кроме желания обладать ею. И это случилось. – Да, да, да.

– Сильный, жаркий. Еще, еще. И я подарю тебе то, чего ты и представить себе не мог.

Он задыхается, приближаясь к вершине наслаждения, и женщина приподнимает голову.

Ее пронзительные синие глаза вдруг стали красными. Испугавшись, Киан попытался отстраниться, но руки Лилит обвинили его безжалостными железными цепями. Ее ноги сомкнулись у него на талии, и Киан словно оказался в капкане. Он, как мог, старался противостоять ее нечеловеческой силе, но Лилит лишь улыбалась, обнажая клыки.

– Кто ты? – Страх вытеснил из головы Киана все мысли, парализуя его волю и лишая возможности даже помолиться. – Кто ты?

Его бедра продолжали ритмично двигаться, увлекая все выше к сияющей вершине, и он ничего не мог с этим поделать. Лилит схватила его за волосы и резко дернула голову назад, открывая горло.

– Ты великолепен, – шепчет она. – И ты станешь таким, как я.

Клыки вонзаются в его шею. Среди безумия и боли он слышит собственный крик. Чувствует невыносимое жжение, проникающее под кожу, в кровь и кости. А вместе с болью приходит чудовищное, непередаваемое наслаждение.

Преданный собственным телом, он несется навстречу смерти в кружащуюся вихрем, поющую тьму. Тем не менее какая-то часть его все еще борется, цепляется за свет, за жизнь. Но боль и наслаждение увлекали его все дальше, в глубины бездны.

– Ты и я, мой красавчик. Ты и я. – Лилит откидывается назад; теперь она держит его на руках, словно ребенка. Потом ногтем расцарапывает себе грудь, и из ранки начинает капать кровь – точно так же, как капает с ее губ. – А теперь пей. Пей мою кровь, и ты будешь жить вечно.

«Нет». Это слово, молнией мелькнувшее в мозгу, так и не слетело с его губ. Чувствуя, как ускользает жизнь, он все равно цепляется за последнюю надежду. Даже когда Лилит притягивает его голову к своей груди, Киан, собравшись с силами, пытается сопротивляться. А потом ощущает на губах вкус ее крови – роскошный и головокружительный. Несущий с собой жизнь. Словно младенец у материнской груди, он пьет свою смерть.

Вампир проснулся на закате дня в полной темноте и тишине. Спать в таких условиях он привык с тех давних пор, когда изменилась его сущность.

За прошедшие годы Киан видел этот сон бесчисленное количество раз, но всегда заново переживал падение в бездну. Он видел свое лицо – не отражающееся в зеркалах с той ужасной ночи, – и это раздражало и сердило его.

Вампир не жаловался на судьбу. Бессмысленное занятие. Он примирился с ней и использовал ее. Благодаря обретенному бессмертию он наслаждался богатством, женщинами, комфортом, свободой. Чего еще можно желать?

И то, что у него не бьется сердце, – совсем не такая уж большая цена за все это. Сердце, которое стареет, слабеет и, в конце концов, неизбежно останавливается, точно сломанные часы.

Сколько умирающих и разлагающихся тел он видел за свои девятьсот лет? Невозможно сосчитать. Даже не видя в зеркале отражения своего лица, Киан знал, что остался таким же, как в ту ночь, когда Лилит превратила его в вампира. Кости его были такими же крепкими, кожа – упругой и гладкой, глаза – яркими, зрение – острым. У него не было и никогда не будет седых волос или

дряблой кожи.

Изредка – в темноте, в одиночестве – он ощупывал свое лицо. Высокие, выступающие скулы, небольшая ямочка на подбородке, глубоко посаженные темно-синие – он помнил – глаза. Прямой нос, четко очерченные губы.

Его облик ничуть не изменился. И не изменится никогда. Хотя иногда можно поддаться минутной слабости и лишний раз напомнить себе, как он выглядит.

Не зажигая света, Киан встал – обнаженное тело было стройным и мускулистым – и откинул длинные черные волосы со лба. Он появился на свет, как Киан Маккена, и с тех пор сменил много имен. То, что он снова стал Кианом, – заслуга брата. Хойт не стал бы называть его иначе, и поскольку война, в которой он согласился участвовать, могла закончить его существование, было вполне справедливо вернуть себе имя, данное при рождении.

Хотя он предпочел бы избежать гибели. По его мнению, только безумцы или очень юные, неопытные люди считают смерть приключением. Но если так распорядится судьба – умереть именно теперь, в этом месте, – он уйдет эффектно, с вызовом. И если в мире существует справедливость, вместе с ним в прах обратится и Лилит.

Обостренное зрение позволяло ему без труда передвигаться в темноте. Он подошел к сундуку и достал один из пакетов с кровью, привезенных с собой из Ирландии. Почему-то боги позволили крови, как и вампиру, который в ней нуждается, перемещаться из одного мира в другой через их священный каменный круг.

Хотя, конечно, это свиная кровь. Киан уже много веков не пробовал человеческой. Это вопрос его личного выбора, подумал он, вскрывая пакет и выливая его содержимое в чашку. А также силы воли и, если уж на то пошло, правил приличия. Он жил среди людей, вел с ними дела и даже спал, когда ему этого хотелось. И было бы просто бестактно питаться ими.

В любом случае так проще делать то, что хочется, не привлекая к себе внимания и убивая по ночам беспомощных людей. Охота на живую дичь доставляла ни с чем не сравнимое удовольствие, но сама по себе была безнравственной.

Киан привык к вкусу свиной крови и всегда имел ее под рукой, что было очень удобно. Не нужно было отправляться на охоту каждый раз, когда голод напоминал о себе.

Он пил кровь, как люди по утрам пьют кофе, – в силу привычки и для того, чтобы окончательно проснуться. Кровь проясняла мысли, освежала голову, бодрила.

Умываясь, Киан не зажигал ни свечей, ни огня в камине. Нельзя сказать, чтобы он был доволен бытовыми удобствами в Гилле. В средневековой атмосфере замка он чувствовал себя чужим – как и Гленна с Блэр.

Однажды Киан уже жил в эту эпоху, с него достаточно. Он предпочитал – и еще как предпочитал! – привычные удобства с водопроводом и электричеством. И доставку еды из китайского ресторана, если уж на то пошло.

Одевшись, он вышел из комнаты и направился к конюшне, к своему жеребцу.

По дороге ему встречались люди – слуги, охранники, придворные, – жившие и работавшие в замке Гилла. Большинство сторонились его, опуская глаза и ускоряя шаг. Некоторые тайком скрещивали пальцы за спиной, защищаясь от демона. Но Киана это не волновало.

Все знают, кто он. Видели, на что способны подобные ему существа, когда Мойра, этот ученый гладиатор, устроила поединок с одним из них на ристалище.

Киан подумал, что Мойра приняла мудрое решение, попросив его, Блэр и Ларкина поймать двух вампиров, которые убили ее мать, королеву Гилла. Принцесса понимала, как важно захватить вампиров живыми и показать людям, что это за существа. Убив одного из них на глазах у своего народа, Мойра показала себя настоящим воином.

Через несколько недель она поведет людей в бой. Стране, столько лет не знавшей войн, нужен сильный и волевой лидер, чтобы превратить в солдат крестьян и торговцев, придворных дам и советников.

Киан не сомневался в том, что Мойре по плечу такая задача. Она храбрая, размышлял он, выскользнув во двор замка. И очень умная. А за последние два

месяца она явно преуспела в боевых искусствах. Вне всякого сомнения, ее с самого рождения приучали к ведению государственных дел, а мышление ее было логичным и беспристрастным.

В мирное время она прекрасно управляла бы своим маленьким миром. Но когда приходит война, правитель должен быть настоящим полководцем, а не только церемониальной фигурой.

Если бы решения принимал Киан, он отдал бы власть Риддоку, дяде Мойры. Но его мнением никто не интересовался.

Киан услышал и почувствовал ее раньше, чем увидел. И едва не повернул назад. Как-то боязно неожиданно столкнуться с женщиной, полностью владеющей твоими мыслями.

Уж слишком часто он о ней думает.

Избегать ее тоже не получалось – в этой войне они неразрывно связаны друг с другом. Он, конечно, мог бы уйти незамеченным. Но это было бы трусостью. Гордость – как всегда – не позволила ему выбрать легкий путь.

Его жеребца поместили в дальнем конце конюшен, оставив между ним и другими лошадьми два пустых стойла. Киан понимал – и примирился с этим фактом, – что конюхи опасались ухаживать за лошадью демона. Он знал, что Ларкин или Хойт по утрам чистят и кормят его своенравного Влада.

Теперь, кажется, Мойра решила сама побаловать животное. В руках она держала морковь, а другую положила себе на плечо, соблазняя Влада угощением.

– Я знаю, тебе хочется, – ласково приговаривала она. – Она такая вкусная. Ну, возьми, попробуй!

Киан подумал, что эти слова можно без труда отнести и к самой девушке.

На ней было платье, надетое поверх простой льняной юбки, что означало, что тренировки на сегодня закончены. Но для принцессы она была одета довольно скромно – спокойный синий цвет с тонкой полоской кружев на лифе. На шее

серебряный крест, один из девяти, отлитых Хойтом и Гленной. Распущенные волосы девушки блестящим каштановым водопадом спускались до самой талии, на лбу поблескивает тонкий обруч, символ принадлежности к королевскому дому.

Ее не назовешь красавицей. Киан часто напоминал себе об этом – почти каждый раз, когда видел ее. Просто хорошенькая – в лучшем случае. Изящная и хрупкая, с мелкими чертами лица. Если бы не глаза. Огромные, продолговатые, они, казалось, поглощают все лицо. Серые, словно крыло голубки, когда Мойра размышляла или слушала. И похожие на дым адского пламени, когда она была взволнованна.

У него было много красивых женщин – благодаря знаниям и опыту, накопленным за несколько столетий. Да, красавицей ее не назовешь, но он, несмотря на все старания, никак не мог избавиться от мыслей о Мойре.

Киан знал, что без особого труда соблазнит ее, если захочет. Она молода, невинна и любопытна – а значит, очень чувствительна. Именно поэтому, помимо всего прочего, он понимал, что для развлечения, времяпрепровождения и физиологической разрядки лучше выбрать кого-нибудь из придворных дам.

Невинными девушками Киан пресытился много лет назад – как и человеческой кровью.

Как бы то ни было, его боевой конь не обладал подобной силой воли. Помедлив несколько секунд, Влад склонил голову и взял морковку с плеча Мойры.

Рассмеявшись, девушка почесала жеребца за ухом, наблюдая, как он хрустит угощением.

– Ну вот, совсем не трудно, правда? Теперь мы с тобой друзья. Я знаю, что иногда тебе бывает одиноко. Как и всем нам.

Она протянула жеребцу вторую морковку, и Киан вышел из тени.

– Ты его избалуешь. В кого превратится боевой конь к Самайну?

Мойра вздрогнула, затем замерла. Но быстро справилась с испугом и повернулась к Киану.

- Ты ведь не очень сердишься, правда? Ему нравится иногда получать угощение.

- Кто ж от этого откажется, - пробормотал Киан.

Смушение Мойры выдавал лишь легкий румянец на щеках.

- Тренировки сегодня прошли хорошо. Люди собираются со всего Гилла. Добровольцев так много, что мы решили устроить еще одно ристалище на землях дяди. Там тренировать народ будут Тинин и Нилл.

- А где разместить всех добровольцев?

- Да, это тоже нас беспокоит. Мы примем в замке столько, сколько сможем, - и в доме дяди. Еще есть постоянный двор, а многие фермеры останавливаются у родственников и друзей. Мы примем всех желающих. Что-нибудь придумаем.

Рассказывая, Мойра не переставала теревить крест. Не из страха перед ним, подумал Киан, просто такая привычка, когда нервничает.

- Нужно подумать о продовольствии. Многие бросили свои поля и скот, чтобы прийти сюда. Но мы справимся. Ты поел?

Произнеся эти слова, она покраснела еще больше.

- Я хотела сказать, что в гостиной должен быть накрыт ужин...

- Я знаю, что ты имела в виду. Нет. Сначала мне хотелось навестить Влада, но, похоже, его уже вычистили и накормили. - Словно услышав его слова, жеребец ткнул мордой в плечо Мойры. - И избаловали, - добавил Киан.

Мойра нахмурилась - Киан заметил, что она раздражена.

- Это всего лишь морковка. Ему полезно.

– Кстати, о еде. На следующей неделе мне понадобится кровь. Прикажи, пожалуйста, чтобы в следующий раз, когда будут забивать свиней, ее не выливали.

– Конечно.

– Тебя это несколько не шокирует, ведь так?

По ее лицу снова пробежала легкая тень раздражения.

– Ты используешь то, в чем нуждаешься. Я же не ворочу нос от бекона, правда? – Она сунула еще одну, последнюю морковку в руку Киана и повернулась, чтобы уйти.

Потом остановилась.

– Не понимаю, почему тебе так легко удастся вывести меня из себя. Даже если у тебя это получается невольно. Нет. – Она подняла руку, словно останавливала его. – Не думаю, что мне хочется знать ответ. Но мне нужно поговорить с тобой о другом.

Избежать разговора не получится, подумал Киан.

– У меня есть пара свободных минут.

Мойра окинула взглядом конюшню. Подслушать их смогут только лошади.

– Ты не возражаешь, если эти минуты будут потрачены на прогулку со мной? И на приватную беседу?

Пожав плечами, Киан сунул Владу последнюю морковку и вслед за Мойрой вышел из конюшни.

– Государственные секреты, Ваше высочество?

– Почему ты смеешься надо мной?

- Вообще-то я серьезно. Ты сегодня не в своей тарелке?

- Да, наверное. - Она откинула за спину упавшие на плечо волосы. - Война, конец света, заботы о стирке белья и провианте для армии - все это делает меня немного раздражительной.

- Раздай поручения.

- Я так и делаю. И все равно трачу уйму времени и сил - необходимо найти нужных людей, все подробно объяснить, организовать. Но я не об этом хотела поговорить с тобой.

- Сядь.

- Что?

- Сядь. - Киан взял Мойру за руку и, не обращая внимания на то, что она попыталась сопротивляться, усадил ее на скамью. - Сядь и дай отдохнуть хотя бы ногам, если не можешь на пять минут отключиться от своих забот.

- Я уже не помню, когда в последний раз мне удалось посидеть в одиночестве с книгой в руках. Нет, помню. В Ирландии, в твоём доме. Я скучаю - по книгам, по тишине.

- Нужно отвлекаться время от времени - хотя бы на час. Иначе ты просто выбьешься из сил, а это не принесет пользы ни тебе, ни другим.

- У меня такое впечатление, что я могу просто не выдержать груза, который оказался на моих плечах. - Она растерянно посмотрела на свои сложенные на коленях ладони и вздохнула. - Ну вот, опять я жалуюсь. Как это Блэр говорит? Сука, сука, сука.

Смех Киана удивил ее; она с улыбкой повернулась к нему.

- Подозреваю, что у Гилла еще никогда не было такой королевы.

Мойра вновь стала серьезной.

– Ты прав. Но скоро все станет ясно. Завтра с первыми лучами солнца мы отправимся к камню.

– Понятно.

– Если я подниму меч, как в свое время это сделали моя мать и ее отец, то у Гилла появится такая королева, как я. – Она бросила взгляд на ворота замка поверх кустов. – И выбора у Гилла не будет. И у меня тоже.

– Ты не хочешь стать королевой?

– Я сама не знаю, чего хочу, и вообще хочу ли чего-нибудь – лишь бы все это поскорее закончилось. И тогда я смогу делать то, что нужно. Я вот зачем тебя позвала. – Мойра снова посмотрела Киану прямо в глаза, словно отвлекаясь от картин, мелькавших перед ее внутренним взором. – Если я подниму меч, то, надеюсь, мы сможем найти способ провести церемонию ночью.

Такие ласковые глаза, подумал он, и такие серьезные.

– Слишком опасно выводить людей за стены замка после захода солнца.

– Знаю. Присутствовать могут все желающие. А ты не можешь. Мне очень жаль. И это неправильно. Думаю, что все шестеро, весь наш круг, в такой момент должны быть вместе.

Она снова принялась теревить крест.

– Гилл для тебя чужой, и это я тоже понимаю, но есть одно обстоятельство, очень важное для будущего. Раньше я о нем не знала. Даже не догадывалась. – Мойра судорожно вздохнула. – Они убили моего отца.

– О чем ты?

– Мне нужно пройтись. Не могу сидеть. – Она вскочила и начала растирать ладони, пытаясь согреть их. В воздухе – и в крови – вдруг повеяло холодом.

Мойра пересекла внутренний дворик и углубилась в один из садов.

– Я никому не говорила – и тебе не хотела. Какой в этом смысл? И доказательств у меня нет – но я точно знаю.

– О чем?

Мойра поняла, что говорить с ним, рассказать ему обо всем будет легче, чем она думала, потому что Киан не отвлекался на эмоции.

– Я говорю об одном из тех, кто убил мою мать. О том, с которым я сражалась. – Мойра подняла руку, и Киан заметил, сколько сил она прилагает, чтобы успокоиться. – Перед тем как я его убила, он кое-что рассказал о моем отце, о его смерти.

– Наверное, хотел разозлить тебя. Отвлечь.

– У него это получилось. Но, понимаешь, дело не только в этом. Я убеждена. – Не отрывая взгляда от Киана, она прижала руку к своему сердцу. – Я все поняла, когда смотрела на вампира, которого потом убила. Их жертвой стала не только моя мать, но и отец. Думаю, Лилит отправила их сюда потому, что тогда, в первый раз, они добились успеха. Когда я была еще ребенком.

Мойра мерила шагами сад; голова ее низко склонилась под тяжестью грустных мыслей, золотой обруч поблескивал в свете факелов.

– Все подумали, что это взбесившийся медведь. Отец охотился в горах. Его убили – вместе с младшим братом матери. Дядя Риддок не поехал с ними, потому что тетя была на сносях. Я...

Она снова умолкла, услышав звук шагов, и продолжила только после того, как шаги стихли.

– Те, кто нашел их тела и привез домой, подумали, что на них напали дикие животные. Так и было. – В ее голосе появились жесткие ноты. – Только эти животные похожи на людей. Лилит подослала убийц, чтобы не осталось других наследников, кроме меня.

Мойра снова повернулась к нему; пламя факелов отбрасывало красные отблески на ее бледном лице.

– Возможно, в то время Лилит знала лишь то, что одним из шести будет правитель Гилла. Или убить отца тогда оказалось легче, чем меня, – я была совсем маленькой, и меня не оставляли без присмотра. У нее оставалось еще много времени, чтобы подослать убийц ко мне. Только она опять просчиталась, и вместо меня убили мою мать.

– Убийцы мертвы.

– Это должно меня утешить? – спросила она и тут же поняла, что Киан пытается что-то подсказать ей. – Я не знаю, что должна чувствовать. Но я знаю, что Лилит отняла у меня родителей. Забрала их, пытаюсь помешать неизбежному. Мы встретимся с ней на поле брани в праздник Самайн, потому что так предопределено судьбой. Я буду сражаться – независимо от того, стану королевой или нет. Смерть моих родителей была напрасной.

– Но ты никак не могла остановить Лилит.

Утешение, снова подумала Мойра. Как это ни странно, деловой тон Киана успокаивал ее.

– Надеюсь, что так. Но я точно знаю – исходя из того, что было сделано, что не было сделано и что должно быть сделано, – завтрашнее событие станет не просто церемонией или обрядом. Взятый в руки меч поведет людей на бой, отомстит за кровь моих родителей. Лилит не сможет этому помешать. Она нас не остановит.

Мойра отступила назад и взмахнула рукой.

– Видишь те флаги? Дракон и кладдах. Символы Гилла со дня его основания. Еще до того, как все закончится, я прикажу добавить еще один.

Киан задумался, что же она выберет: меч, дротик, стрелу? Потом догадался. Не оружие, не символ войны и смерти, а символ надежды и жизни.

– Солнце. Чтобы оно освещало мир.

Лицо Мойры оживилось удивлением – и радостью.

– Да. Ты понимаешь мои мысли и желания. Золотое солнце на белом полотнище – олицетворение света и будущего, за которое мы сражаемся. Это солнце – золотое, как слава, – станет третьим символом моей страны, и именно я дам его Гиллу. Солнце станет проклятием для Лилит. Для нее и всего, что она принесла с собой.

Мойра залилась краской и тяжело вздохнула.

– Ты умеешь слушать... а я слишком много говорю. Ты должен пойти в дом. Все собираются на ужин.

Киан коснулся руки Мойры, останавливая ее.

– Раньше я считал тебя не самой подходящей королевой для военного времени. Кажется, это один из немногих случаев, когда я ошибался.

– Ошибешься, если меч будет моим.

Они вошли в замок, и Киан вдруг понял, что это был самый долгий их разговор за два месяца знакомства.

– Ты должна рассказать остальным. О своих подозрениях насчет отца. Если мы – круг, у нас не может быть тайн друг от друга, они лишь ослабят нас.

– Ты прав. Да, ты прав.

С высоко поднятой головой и ясными глазами она направилась в гостиную.

Ночью Мойра не спала. Кто сможет заснуть накануне самого главного события в жизни? Если утром ей суждено освободить меч из каменных ножен, она станет королевой Гилла. И тогда она будет властвовать, управлять и царствовать – обязанности, которым ее обучали с детства. Но как королеве ей придется, начиная с этого рассвета, вести людей в бой. Если же ей не суждено поднять меч Гилла, она возьмет другое оружие и с радостью присоединится к сражающимся.

Достаточно ли нескольких недель тренировок, чтобы подготовиться к такой роли, к такой ответственности? Итак, это последняя ночь, когда она может быть сама собой, – и такой королевой, какой хотела бы быть.

Одно Мойра знала точно: что бы ни принес ей рассвет, возврата к прежней жизни уже не будет.

До гибели матери она верила, что заря этого дня наступит еще через много-много лет. Надеялась, что еще долгие годы мать будет рядом, утешая и советуя. Она предполагала, что ее ожидают годы мира и учебы. И когда придет время, она будет готова надеть корону, будет достойна ее.

Но в глубине души Мойра мечтала о том, что мать будет править еще не один десяток лет, а она сама выйдет замуж. И в далеком и туманном будущем кто-нибудь из детей, которых она выносит, наденет корону вместо нее.

Все изменилось в ночь смерти матери. Нет, поправила себя Мойра, все изменилось раньше, за много лет до этого, когда убили отца.

А может, ничего и не менялось – просто переворачивались страницы уже написанной книги судеб.

Теперь оставалось лишь сожалеть, что рядом с ней нет мудрой матери, и найти в себе мужество, чтобы попытаться взять корону и меч.

Мойра стояла на высокой стене замка, освещенная слабым светом узкого серпа молодого месяца. Когда наступит полнолуние, она уже будет далеко, в суровой и мрачной долине, на поле битвы.

Она поднялась еще выше, на зубчатую стену, заметив свет факелов, которые освещали ристалище. Сверху было видно и слышно все, что происходило на ночных занятиях. Киан использует темное время суток, обучая мужчин и женщин сражаться с существами, которые сильнее и быстрее человека. Мойра знала, что он будет гонять их до седьмого пота. Точно так же, как по ночам гонял ее и других, принадлежащих к их кругу шести, последние недели в Ирландии.

Не все доверяли Киану – это она тоже понимала. Некоторые боялись, но, возможно, это и к лучшему. Он явился сюда не заводить друзей, а делать из людей воинов.

Честно говоря, Мойра сама стала воином во многом благодаря именно ему.

Кажется, она догадывалась, почему Киан сражается на их стороне, – по крайней мере, начинала понимать причины, заставившие его так рисковать ради спасения человечества. Отчасти это было следствием гордости, недостатка в которой Киан не ощущал. Он ни за что не преклонит коленей перед Лилит. А отчасти потому, что он хранил верность брату – хоть он и не желал этого признавать. Остальное можно приписать отваге и смятенным чувствам.

У него есть чувства – Мойра знала. Хотя, конечно, трудно себе представить, какими они могут быть после тысячи лет существования. Сама она всего после двух месяцев крови и смерти совсем запуталась и с трудом узнавала себя.

Что должен чувствовать Киан после всего, что видел и совершил, после того, что приобрел и потерял? Он знал о мире больше любого из них – о его радостях, горестях и возможностях. Нет, у нее не укладывалось в голове, как можно знать все, что известно ему, и рисковать собственным существованием.

Тот факт, что он все-таки рисковал и даже теперь тратил время и силы на подготовку армии Гилла, вызывал у нее уважение. Хотя загадочность его натуры продолжала удивлять ее.

Мойра не знала, как Киан относится к ней. Даже когда он целовал ее – в тот единственный, страстный и отчаянный миг. А она привыкла докапываться до сути вещей.

Обернувшись на звук шагов, Мойра увидела приближающегося к ней Ларкина.

- Тебе давно пора быть в постели, - заметил он.

- Все равно я не могу уснуть: лежу и смотрю в потолок. Здесь мне лучше. - Она взяла его за руку - брата, друга - и мгновенно успокоилась. - А ты почему не спишь?

- Тебя увидел. Мы с Блэр решили немного помочь Киану. - Ларкин обвел взглядом ристалище. - Потом я заметил, что ты стоишь тут одна.

- Сегодня из меня неважный компаньон - даже для себя самой. У меня одно желание - чтобы это поскорее закончилось, и тогда все пойдет своим чередом. Вот я и поднялась сюда. Тут лучше думается. - Она прислонилась лбом к его плечу. - И время бежит быстрее.

- Мы можем спуститься в гостиную. И я позволю тебе обыграть меня в шахматы.

- Позволишь? Вы только послушайте! - Она подняла на него взгляд. Сквозь улыбку в его золотистых, удлинённых - как у нее самой - глазах просвечивало беспокойство. - По-видимому, это ты позволил мне выиграть сотни партий, которые мы сыграли за столько лет.

- Я подумал, что победа за шахматной доской придаст тебе уверенности.

Рассмеявшись, Мойра ткнула его локтем.

- Могу поспорить, что обыграю тебя в шахматы девять раз из десяти.

- Давай, проверим.

- Нет, проверять не будем. - Мойра поцеловала Ларкина и убрала прядь золотистых волос с его лица. - Ты пойдешь к себе в постель, к своей даме, и не будешь отвлекать меня от грустных мыслей. Пойдем внутрь. Возможно, унылый вид моего потолка все-таки поможет мне заснуть.

- Если тебе понадобится компания, достаточно просто постучать.

– Знаю.

Но Мойра знала, что до самого рассвета останется наедине со своими мыслями.

Она так и не заснула.

Согласно традиции придворные дамы должны были одеть ее за час до рассвета. Нарушив установленный порядок, Мойра отказалась от пурпурного платья. Этот цвет ей не идет, хотя и выглядит по-королевски. Вместо красных она выбрала зеленые тона: темно-зеленое платье и более светлую накидку.

Мойра согласилась надеть драгоценности – как-никак они принадлежали матери – и позволила повесить себе на шею тяжелое ожерелье из цитрина. Но серебряный крест снимать не стала.

Волосы Мойра решила оставить распущенными; она сидела, прислушиваясь к болтовне женщин, пока Дервил бесконечно долго расчесывала их.

– Хотите что-нибудь перекусить, Ваше высочество?

Кэра поднесла ей тарелку с медовыми коврижками.

– Потом, – ответила Мойра. – Возможно, у меня появится аппетит.

Увидев вошедшую Гленну, она с облегчением встала.

– Как чудесно ты выглядишь. – Мойра протянула подруге руки. Она сама выбирала платья для Гленны и Блэр и теперь убедилась, что вкус не изменил ей. Хотя Гленне, с ее удивительной внешностью, идет абсолютно все, подумала она.

Как бы то ни было, темно-синее платье выгодно оттеняло молочно-белую кожу девушки и ее огненно-рыжие волосы.

– Я сама себя чувствую принцессой, – сказала Гленна. – Спасибо огромное. А ты, Мойра, настоящая королева.

– Неужели? – Она повернулась к зеркалу, но увидела там только свое отражение. Потом улыбнулась Блэр, появившейся на пороге. Мойра выбрала для нее красновато-коричневое платье и накидку цвета тусклого золота. – Никогда не видела тебя в платье.

– Да еще в каком! – Блэр окинула внимательным взглядом подруг, потом себя. – Волшебная сказка продолжается. – Она провела рукой по своим коротко стриженным черным волосам, приглаживая их.

– Значит, ты не против? Этого требует ритуал.

– Мне нравится быть девочкой. И я не против девчачьей одежды, даже если ее фасон из другой эпохи. – Блэр заметила тарелку с медовыми коврижками и взяла себе одну. – Волнуешься?

– Не то слово. Я хотела бы остаться одна с леди Гленной и леди Блэр, – обратилась Мойра к придворным дамам. Те поспешно вышли, и принцесса устало опустилась в кресло у камина. – Они уже час суетятся вокруг меня. Это утомительно.

– Выглядишь усталой. – Блэр присела на подлокотник кресла. – Ты не спала?

– Мысли одолели.

– Ты не выпила настойку, которую я тебе дала. – Гленна вздохнула. – Тебе следовало отдохнуть, Мойра.

– Мне нужно было подумать. Я хочу, чтобы вы обе, Хойт и Ларкин, пошли вместе со мной к камню, хотя это и нарушит традиционный церемониал.

– По-моему, мы и так приглашены, – заметила Блэр, жуя коврижку.

– Да, конечно, вы войдете в состав процессии. Но я должна идти впереди одна. Так всегда было, так должно быть и теперь. За мной последуют только родственники. Дядя, тетя, Ларкин и другие двоюродные братья и сестры. За ними остальные – согласно знатности и положению. Но я хочу, чтобы вы шли вместе с моей семьей, потому что вы стали мне родными. Я делаю это не только

ради себя, но и ради народа Гилла. Пусть увидят, кто вы, как вы мне дороги, как я вас ценю. Киан не сможет присоединиться к вам, хотя я бы очень этого хотела.

– Но ночью нельзя, Мойра. – Блэр коснулась плеча принцессы. – Слишком большой риск.

– Знаю. Мы не сможем замкнуть наш круг рядом с камнем, но Киан будет в моем сердце. – Мойра встала и подошла к окну. – Скоро рассвет, – прошептала она. – И наступит новый день.

Последний раз взглянув на угасающие звезды, Мойра отвернулась от окна.

– И я готова к тому, что он мне уготовит.

Родственники и придворные дамы уже собрались внизу. Мойра взяла у Дервил плащ и сама застегнула брошь в форме дракона.

Подняв голову, она заметила Киана. Сначала ей показалось, что он просто задержался, направляясь в свою комнату, но потом принцесса увидела в его руках волшебный плащ, созданный Гленной и Хойтом для защиты от лучей солнца, смертельных для вампира.

Мойра шагнула к Киану.

– Ты решился? – тихо спросила она.

– У меня редко выпадает шанс для утренней прогулки.

Небрежный тон Киана не мог скрыть его серьезности.

– Я благодарна, что ты выбрал для прогулки именно это утро.

– Заря занимается, – сказал Риддок. – Народ ждет.

Мойра кивнула и – согласно обычаю – накинула капюшон, прежде чем выйти из замка.

В прохладном воздухе клубился туман, и легкому ветерку было не под силу разогнать его. В густой пелене Мойра одна пересекла внутренний двор и подошла к воротам; за ней на некотором отдалении следовали остальные. Тишину раннего утра нарушали лишь пение птиц и едва слышный шелест листьев.

Она подумала о матери, которая много лет назад холодным туманным утром тоже проделала этот путь. И о ее предшественниках, выходявших через ворота замка по бурой дороге и зеленой траве с такой густой росой, что казалось, бредешь по реке. Мойра знала, что за ней идут люди: торговцы и ремесленники, музыканты и певцы. Матери и дочери, солдаты и сыновья.

Небо на востоке порозовело, туман, стелившийся над землей, отливал серебром.

Вдыхая запах реки и влажной земли, Мойра поднималась по пологому склону; подол ее платья промок от росы.

Камень находился на Холме Фей, на поляне среди маленькой рощи. На валунах у священного колодца рос утесник[4 - Утесник – дикорастущий ветвистый колючий кустарник высотой до полутора метров, с острыми листьями и желтыми цветами. Произрастает на территории Западной Европы.] и мох, бледно-желтый и зеленоватый.

Весной здесь распустились оранжевые лилии, яркие головки аквилегий, элегантные шпильки наперстянки – живой, пестрый ковер.

Но теперь цветы уже давно отцвели, а листья деревьев окрасились в желтый и красный цвета – предвестники их скорой гибели.

Сам камень – белый, широкий, похожий на алтарь, – лежал на древнем сером дольмене[5 - Дольмен – древнейшее погребальное сооружение из огромных каменных глыб и плит, сложенных наподобие стола.].

Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь листву и туман, исчерчивали белый камень и отражались от серебряной рукояти погруженного в него меча.

Мойра почувствовала, что у нее стынют пальцы.

Историю меча она знала с раннего детства. О том, как боги выковали его из молнии, моря, земли и ветра. Как Морриган сама принесла меч и алтарный камень на это место. Здесь же она погрузила клинок в толщу алтаря по самую рукоять и огненным пальцем вырезала надпись:

Вложенный в ножны рукой богов,

Извлеченный рукой смертного,

Тому, кто взял этот меч,

Суждено править гиллом.

Остановившись у подножия камня, Мойра еще раз прочла надпись. Если так суждено богами, это будет ее рука.

Задев подолом плаща мокрую траву, она поднялась сквозь туман, пронизанный солнечными лучами, на вершину Холма Фей. И встала позади камня.

Потом впервые за весь долгий путь она подняла голову. Сотни людей – ее народ – рассыпались по полю, до бурой ленты дороги, и смотрели на нее, не отрывая глаз. И если ей суждено взять меч, за каждого из них она будет в ответе. Заледеневшие пальцы дрогнули.

Мойра постаралась успокоиться, обведя взглядом обращенные к ней лица, и подождала, пока за ее спиной займут место трое праведников.

Люди все еще торопливо поднимались по склону холма, боясь пропустить церемонию. Она хотела, чтобы голос ее звучал спокойно и уверенно, и поэтому подождала еще немного и позволила себе взглянуть на тех, кого любила больше всего.

– Миледи, – прошептал один из старцев.

– Да, секунду.

Затем Мойра медленно расстегнула брошь и сбросила плащ. Широкие рукава платья соскользнули с поднятых рук вниз, но Мойра не чувствовала холода.

Изнутри поднималась волна жара.

– Я слуга Гилла! – выкрикнула она. – Дитя богов. Я пришла сюда, на это место, чтобы склониться перед волей Гилла и волей богов – кровью, сердцем, душой.

Она шагнула к камню.

Все стихло. Казалось, даже воздух стал непроницаемым. Мойра протянула руку, обхватила пальцами серебряную рукоять.

Она почувствовала исходящий от меча жар, ощутила его музыку. «Да, да, – мелькнуло у нее в голове. – Конечно. Он мой и всегда был моим».

С шелестящим звуком соприкасающейся с камнем стали она извлекла меч из плиты и подняла его над головой, направив острие в утреннее небо.

Мойра знала, что люди приветствуют ее радостными криками, а некоторые даже плачут, знала, что все преклонили колени. Но ее глаза были устремлены на острие клинка и луч света, ударивший в него с неба.

Она чувствовала, как в нее проникает этот яркий свет, ощущала его жар, его силу. Руку вдруг обожгло, и на ней появился – словно начерченный богами – знак кладдаха, символ королевы Гилла. Потрясенная и воодушевленная этим божественным признанием, Мойра опустила глаза. И встретила взглядом с Кианом.

И на мгновение забыла обо всем. Остался только он – лицо в тени капюшона плаща и глаза, синие и яркие.

Неужели такое возможно? Держать в руке свою судьбу, а видеть только его? Неужели именно в его глазах она видит отражение собственной участи?

– Я слуга Гилла, – сказала Мойра не в силах оторвать взгляд от Киана. – Я дитя богов. Этот меч и все, что он защищает, принадлежат мне. Я, Мойра, королева-воительница Гилла. Встаньте и знайте, что я люблю вас.

Она стояла, высоко подняв меч, а святые старцы возложили на ее голову корону.

Киан был знаком и с черной магией, и с белой, но такого ему еще не приходилось видеть. Лицо Мойры, смертельно бледное, когда она подошла к камню и скинула плащ, буквально расцвело, когда ее рука взялась за меч. Серьезные и грустные глаза засверкали, словно сталь, освещенная солнцем.

И взгляд этих глаз, встретившись с его взглядом, острым клинком пронзил его сердце.

Величественная и хрупкая, словно амазонка, подумал Киан. Неожиданно царственная, неожиданно вдохновенная и неожиданно прекрасная.

Чувства, возникшие в его душе, не имели права на существование.

Киан отступил и повернулся, чтобы уйти. Хойт положил ему руку на плечо.

- Ты должен подождать ее - королеву.

- Ты забываешь, что для меня это ничего не значит. - Киан удивленно вскинул брови. - Кроме того, я уже достаточно долго пробыл под этим чертовым плащом.

Движения его были стремительными. Ему хотелось скрыться от света, от запаха людей. От этой силы и от этих серых глаз. Он жаждал прохлады, темноты и тишины.

Он едва отошел от холма, как его догнал Ларкин.

- Мойра попросила меня узнать, не хочешь ли ты вернуться в замок верхом.

- Спасибо, я дойду. Хочу прогуляться.

- Потрясающе, правда? А она была... ну, яркой, как солнце. Я всегда знал, что Мойра будет править Гиллом, но увидеть все своими глазами - совсем другое дело. Как только она дотронулась до меча, она уже стала королевой. Этого нельзя было не заметить.

– Если Мойра хочет остаться королевой и иметь подданных, то ей лучше воспользоваться этим мечом.

– Так она и сделает. Ладно, Киан, давай сегодня не будем думать о грустном. Сегодня праздник, все будут веселиться и пировать. – Продолжая улыбаться, Ларкин ткнул Киана локтем. – Она, конечно, королева, но сегодня праздник для всех.

– «Армия, как и змея, передвигается на брюхе»[6 - Выражение, приписываемое Фридриху II Великому (1712–1786) – королю Пруссии в 1740–1786 гг. (Прим. перев.)].

– Что?

– Это сказал... впрочем, неважно. Ну, что ж: веселитесь и пируйте. А завтра королям, королевам и их подданным лучше заняться подготовкой к войне.

– Такое чувство, что мы только этим и занимаемся. Нет, я не жалуясь, – продолжал Ларкин, не дав Киану возразить. – Наверное, просто устал ждать и хочу поскорее оказаться на поле боя.

– Разве ты уже не сражался?

– Мне нужно отомстить за Блэр. У нее еще болят ребра, и она никак не наберется сил, хоть и не признается в этом. – Лицо Ларкина помрачнело, когда он вспомнил о том, что случилось с Блэр. – Надо признать, что она довольно быстро выздоравливает, но я никогда не забуду того, что с ней сделали эти твари.

– Опасно идти в бой с чувством личной мести.

– Плевать. У каждого из нас есть личные причины, разве не так? Только не говори мне, что не помнишь о том, что эта сука сделала с Кингом.

Отрицать было глупо, и Киан промолчал.

– Ты... хочешь сопроводить меня в замок, Ларкин?

– Вроде того. Получил указание закрыть тебя своим телом, если магия плаща вдруг перестанет действовать.

– Вот будет мило! Мы оба сгорим, как факелы, – небрежно бросил Киан, но был вынужден себе признаться, что почувствовал облегчение, ступив в тень замка Гилл.

– Кроме того, мне поручили пригласить тебя в гостиную, если ты не слишком устал. Там накроют завтрак только для своих. Мойра будет благодарна, если ты заглянешь хотя бы на пару минут.

Мойре хотелось хоть немного побыть одной. Но ее окружали люди. Обратная дорога в замок была заполнена бесконечным движением и мельканием лиц в пелене тумана. Ей уже было тяжело нести в руке меч, корона сдавливала голову, но приходилось терпеть и не показывать виду: мимо проходили родные и друзья. Повсюду слышались радостные крики – новую королеву Гилла приветствовали ее подданные.

– Ты должна показаться народу, – сказал Риддок. – С королевской террасы. Так принято.

– Да. Только я не буду стоять там одна. Я знаю традиции Гилла, – добавила она, не давая дяде возразить. – Но времена изменились. Рядом со мной будет стоять мой круг. – Он посмотрела на Гленну, затем на Хойта и Блэр. – Люди увидят не только свою королеву, но и тех, кто избран богами, чтобы повести их в бой.

– Тебе решать, – ответил Риддок с легким поклоном. – Но в такой день над Гиллом не должно быть тени войны.

– Пока не наступит Самайн, Гилл всегда будет помнить о войне. Каждый житель королевства должен знать, что до этого дня я буду править с мечом в руке. И я – часть тех шестерых, которых избрали боги.

Проходя через ворота замка, она оперлась на руку дяди.

– У нас будет праздник и пир. Я ценю твой совет – как всегда. И обязательно выйду к народу и буду говорить с ним. Но сегодня боги избрали не только

королеву, но и воина. Я буду королевой и воином. Буду служить Гиллу до последнего вдоха. Тебе не придется за меня краснеть.

Риддок взял ее руку и поднес к губам.

– Моя милая девочка. Я всегда гордился тобой. С этого дня и до последнего вдоха я – верный слуга королевы.

Собравшиеся внизу слуги преклонили колени, когда королевская процессия вошла в замок. Знакомые лица, знакомые имена. Некоторые прислуживали матери еще до ее рождения.

Но теперь все изменилось. Она теперь уже не дочь этого дома, а хозяйка. Их королева.

– Встаньте, – сказала Мойра. – И знайте, что я благодарна вам за верность и службу. Помните, что вы, как и весь народ Гилла, можете рассчитывать на мою верность и мое служение, пока я буду оставаться на троне.

Поднимаясь по лестнице, Мойра решила, что позже обязательно поговорит с каждым из слуг отдельно. Это очень важно. Но теперь ее ждали другие дела.

В камине большой гостиной ревел огонь. В вазах стояли свежесрезанные цветы из сада и оранжереи. На столе, сервированном лучшей посудой и серебром, благоухало прекрасное вино. Самые близкие поднимут тост за новую королеву.

Она вздохнула, задумалась, пытаясь подобрать подходящие слова – первые слова, которые она скажет тем, кого любит больше всех.

Потом почувствовала, как ее обнимают руки Гленны.

– Ты была великолепна. – Гленна расцеловала ее в обе щеки. – Блистательна.

Напряжение, камнем давившее на плечи, ослабло.

– Я чувствую, что осталась прежней, но в то же время изменилась. Понимаешь?

– Могу только представить.

– Молодец. – Блэр порывисто обняла ее. – Можно посмотреть?

Как воин воину, подумала Мойра и протянула девушке меч.

– Превосходен, – тихо произнесла Блэр. – И вес подходящий, как раз для тебя. Поначалу кажется, что он должен быть украшен драгоценными камнями и чем-то еще. И хорошо, что их нет. Очень правильно, что это боевой меч, а не просто символ власти.

– Такое впечатление, что рукоять сделана по моей руке. Прикоснувшись к нему, я сразу почувствовала... что он мой.

– Именно так. – Блэр отдала меч. – Твой.

Мойра положила меч на стол и обняла Хойта.

– Сила в тебе теплая и спокойная, – прошептал он ей на ухо. – Гиллу повезло с королевой.

– Спасибо, – ответила она и весело рассмеялась, когда Ларкин подхватил ее на руки и закружил по комнате.

– С ума сойти! Ваше величество!

– Ты смеешься над моим титулом!

– Конечно. Но не над тобой, астор.

Когда Ларкин опустил ее на пол, она повернулась к Киану.

– Спасибо, что пришел. Это для меня очень важно.

Киан не обнял ее и даже не прикоснулся – только склонил голову.

– Такой момент нельзя пропустить.

– И он имеет для меня особое значение, потому что вы здесь, со мной. Все, – продолжила она и повернулась к маленькой кухне, которая тянула ее за юбку. – Эйдин! – Мойра подхватила девочку на руки и подставила щеку для поцелуя. – Какая ты сегодня хорошенькая!

– Хорошенькая, – повторила Эйдин и дотронулась до украшенной драгоценными камнями короны Мойры. Потом повернулась к Киану и одарила его улыбкой, смущенной и одновременно хитрой. – Хорошенькая, – повторила она.

– Проницательная, как все женщины, – заметил Киан. Заметив, что взгляд девочки остановился на брелке, висевшем у него на шее, он небрежным жестом приподнял его, чтобы малышка могла до него дотронуться.

Не успела Эйдин коснуться брелка, как ее мать бросилась к ней через всю комнату.

– Эйдин, нельзя!

Шинан выхватила дочь из рук Мойры и крепко прижала к животу, где уже билось сердце ее третьего ребенка.

Все растерянно умолкли, и Мойра смогла лишь выдохнуть имя кухни.

– Никогда не любил детей, – бесстрастно бросил Киан, направляясь к двери. – Прошу меня извинить.

– Киан! – Бросив яростный взгляд на Шинан, Мойра поспешила за ним. – Подожди минуту, пожалуйста.

– Слишком много дел для одного утра. Я хочу спать.

– Я прошу прощения. – Она взяла его за руку и не отпускала, пока он не остановился и не повернулся к ней. Взгляд его глаз был жестким – синий камень. – Моя кухня Шинан – обычная женщина. Я поговорю с ней.

- Не стоит так волноваться из-за меня.

- Сэр. - Бледная, как мел, Шинан подошла к ним. - Я приношу свои самые искренние извинения. Я невольно оскорбила вас, мою королеву и ее почетных гостей. Прошу простить материнскую глупость.

Она сожалеет об оскорблении, но не о поступке, подумал Киан. Ребенок уже был в дальнем углу комнаты, на руках у отца.

- Извинения приняты. - Он едва удостоил ее взглядом. - А теперь прошу отпустить мою руку, Ваше величество.

- Пожалуйста, сделай одолжение, - едва слышно произнесла Мойра.

- Ты их как будто коллекционируешь.

- Да, я у тебя в долгу, - невозмутимо подтвердила она. - Мне нужно выйти к народу. Он должен увидеть свою королеву и, как мне кажется, весь наш круг. Я буду тебе очень признательна, если ты уделишь мне еще несколько минут.

- В лучах восходящего солнца.

Мойра заставила себя улыбнуться, затем облегченно вздохнула, догадавшись, что его ворчливый тон означает согласие.

- Всего несколько мгновений. Потом можешь уединиться и найти удовлетворение в том, что я тебе завидую.

- Тогда побыстрее. Мне нравится одиночество и удовлетворение.

Мойра все продумала заранее. По одну сторону от нее стоял Ларкин, которого любили и уважали в Гилле. По другую Киан - чужак, внушавший страх. Этим она хотела продемонстрировать, что считает их равней и что в равной степени доверяет обоим.

Она подняла меч, и приветственные крики толпы превратились в рев. Пока Мойра говорила, меч держала Блэр – и это было сделано специально. Народ должен видеть, что женщина, с которой обручен Ларкин, достойна королевского меча.

– Люди Гилла! – выкрикнула она, но приветствия не смолкали. Шум толпы накатывал волнами и смолк только после того, как Мойра приблизилась к каменному парапету и подняла руки. – Люди Гилла, я пришла к вам как королева, как житель этой страны, как ваш защитник. Я стою перед вами, как стояла моя мать, а еще раньше – ее отец и все те, кто правил нашей страной с самых первых дней. Я стою перед вами, как часть круга, избранного богами. Не просто круга правителей Гилла, а круга воинов.

Она раскинула руки, словно обнимая стоявших рядом пятерых людей.

– Те, кто окружает меня, образуют этот круг. Им я доверяю, и их я люблю. Как житель этой страны, прошу вас относиться к ним с таким же доверием и уважением, с каким вы относитесь ко мне. Повелеваю – как ваша королева.

Мойра подождала, пока стихнут приветственные крики.

– Сегодня над Гиллом сияет солнце. Но так будет не всегда. То, что грядет, скрывается во тьме. Но мы дадим отпор врагам. Мы победим их. Сегодня мы празднуем, пируем, славим богов. Но уже завтра продолжим готовиться к войне. Каждый житель Гилла, способный носить оружие, возьмет в руки меч и копье. Мы пойдем в Киунас. В Долину Молчания. Мы наполним эту землю нашей силой и нашей волей, утопим в лучах света тех, кто пришел уничтожить нас.

Мойра взяла меч и снова высоко подняла его.

– В мое правление этот меч больше не будет – как это было раньше – мирно висеть на стене. Он запыхает и запоет в моей руке, когда я буду сражаться за вас, за Гилл и за все человечество.

Рев одобрения пронесся над толпой, словно буря.

Затем послышались крики и свист рассекающей воздух стрелы.

Прежде чем Мойра успела понять, что произошло, Киан повалил ее на пол. Сквозь шум и крики она слышала, как он негромко выругался. И почувствовала на руке его теплую кровь.

- О, боже. Боже, ты ранен.

- В сердце не попали, - произнес он, скрипнув зубами. Потом отстранился и сел, и Мойра увидела, как исказилось от боли его лицо.

Киан ухватился за торчащую из бока стрелу, чтобы выдернуть ее из раны, но Мойра опустила на корточки и оттолкнула его руку.

- Дай мне посмотреть.

- В сердце не попали, - повторил он и ухватил стрелу. Затем рывком выдернул ее. - Проклятье. Черт бы ее побрал.

- Внутрь, - сказала Гленна. - Уведите его в помещение.

- Подождите. - Дрожащей рукой Мойра сжала плечо Киана. - Стоять можешь?

- Конечно, могу, черт возьми. За кого ты меня принимаешь?

- Пожалуйста, покажись им. - Другой рукой Мойра провела по его щеке - это длилось всего мгновение, будто легкое перышко коснулось его кожи. - Они должны нас увидеть. Пожалуйста.

Их пальцы переплелись, и Мойре показалось, будто что-то особенное мелькнуло в его глазах, и нечто похожее шевельнулось в ее сердце.

Затем все исчезло, а Киан нетерпеливо проворчал:

- Тогда не мешай мне.

Мойра встала. Внизу царил хаос. Толпа набросилась на стрелявшего, готовая разорвать его.

– Стойте! – громко крикнула Мойра. – Приказываю, остановитесь! Охрана, привести этого человека в большой зал. Народ Гилла! Видите, даже в такой день, даже под лучами солнца тьма стремится уничтожить нас. Но этому не бывать! – Она схватила руку Киана и высоко подняла ее. – Этому не бывать, потому что в нашем мире есть те, кто готов рисковать своей жизнью ради других.

Мойра прижала ладонь к боку Киана и почувствовала, как он вздрогнул.

– Он пролил кровь ради нас. И во имя этой крови, пролитой за меня, за всех вас, я нарекаю его сэром Кианом, лордом Ихэ.

– Ради всего святого, – пробормотал Киан.

– Молчи. – Мойра говорила тихо, но в голосе ее звучал металл, а глаза неотрывно следили за толпой.

3

– Полувампир, – объявила Блэр, возвращаясь в гостиную. – Многочисленные шрамы от укусов. Толпа здорово его отделала, – прибавила она. – Обычный человек был бы уже трупом после такого избиения. Хотя и этому несладко.

– Ему окажут помощь после того, как я поговорю с ним. Но сначала Киан.

Блэр заглянула за спину Мойры: на кресле, стоящем в углу комнаты, Гленна перевязывала бок Киана.

– Как он?

– Злится и не слушается – значит, я делаю вывод, что все в порядке.

– Мы должны быть благодарны ему. Если бы не его реакция, неизвестно еще, чем бы все это закончилось. Ты молодец, справилась, – добавила Блэр,

обращаясь к Мойре. – Сохранила спокойствие, не потеряла контроль. Первый день в должности, и сразу покушение, – но ты все выдержала.

– Плохо, что мы не предусмотрели дневного нападения. Нельзя забывать, что не всем псам Лилит требуется приглашение, чтобы проникнуть за эти стены. – Она вспомнила, как кровь Киана текла по ее руке – теплая и красная. – Этой ошибки я больше не повторю.

– Урок всем нам. Нужно допросить выродка, которого подслала Лилит. Но тут есть проблема. Он не умеет или не хочет говорить по-английски. И по-гэльски тоже.

– Он немой?

– Нет, нет. Он разговаривает, только никто его не может понять. Похоже на какой-то восточноевропейский язык.

– Понятно. – Мойра оглянулась на Киана. Он был обнажен до пояса – на коже белела только повязка. Вампир пил из кубка – наверное, кровь, – и на лице его отражалось скорее раздражение, чем боль. Настроение у него явно не самое лучшее, но придется еще раз просить его об одолжении.

– Минутку, – шепнула она Блэр и подошла к Киану, заставив себя выдержать взгляд его синих глаз. – Чем еще мы можем тебе помочь?

– Тишина, покой, уединение.

Каждое из этих слов было похоже на удар хлыста, но Мойра продолжила говорить спокойно и доброжелательно.

– Прости, но именно теперь это невозможно. Я прикажу оставить тебя в покое, как только смогу.

– Умничаешь, – пробормотал он.

– Именно. Человек, чья стрела угодила в тебя, говорит на незнакомом для нас языке. Твой брат как-то сказал, что ты знаешь много языков.

Киан сделал большой глоток, пристально глядя на нее.

- Разве недостаточно, что я ранен? Теперь требуешь еще допросить убийцу?

- Я буду благодарна, если ты попытаешься это сделать - или, по крайней мере, переведешь нам то, что он говорит. Если, конечно, ты знаешь этот язык. Судя по всему, на свете не так много вещей, которых ты не знаешь, - иначе какая от тебя польза.

В его взгляде мелькнуло удивление.

- Теперь ты язвись.

- Око за око.

- Ладно, ладно. Гленна, моя красавица, перестань суетиться.

- Ты потерял много крови, - возразила она, но Киан в ответ лишь поднял кубок.

- Я уже восполнил потерю, пока мы беседовали. - Слегка поморщившись, он встал. - Мне нужна рубашка, черт побери.

- Блэр, - ровным голосом сказала Мойра, - ты не могла бы принести Киану рубашку?

- Да, конечно.

- У тебя входит в привычку спасать мне жизнь.

- Наверное. Но я уже подумываю, не избавиться ли от нее.

- Понимаю тебя. Мне трудно тебя осуждать.

- Держи, герой. - Блэр протянула Киану свежую белую рубашку. - Думаю, парень или чех, или болгарин. Ты случайно не говоришь на этих языках?

– Случайно, говорю.

Они прошли в большой зал, где на стуле сидел преступник – в синяках, со следами запекшейся крови, закованный в цепи и под надежной охраной. В роли охранников выступали Ларкин и Хойт. Увидев Киана, Хойт покинул свой пост.

– Как ты? – спросил он брата.

– Выживу. Меня радует то, что выглядит он гораздо хуже, чем я. Отзови свою охрану. – Он повернулся к Мойре. – Никуда ему отсюда не деться.

– Отойдите. Здесь распоряжается сэр Киан.

– Сэр Киан, твою мать, – пробормотал он, приближаясь к пленнику.

Невысокого роста, subtilный человек был одет в грубый наряд фермера или пастуха. Один глаз заплыл и не открывался. Под другим красовался иссиня-черный синяк. Двух зубов не хватало.

Киан произнес короткую фразу по-чешски. Пленник вздрогнул, удивленно раскрыв зрячий глаз.

Но в ответ не произнес ни слова.

– Ты меня понял, – продолжил Киан на том же языке. – Я спросил, были ли с тобой другие, и больше не намерен повторять вопрос.

Снова не услышав ответа, Киан ударил пленника – с такой силой, что тот отлетел к стене вместе со стулом, к которому был приковал.

– Через каждые тридцать секунд молчания тебе будет все больнее и больнее.

– Я не боюсь боли.

– Посмотрим. У тебя еще все впереди. – Киан рывком поднял стул вместе с сидящим на нем человеком и потянул к себе. – Ты знаешь, кто я?

– Знаю. – Окровавленный рот пленника растянулся в ухмылке. – Предатель.

– Это с какой стороны посмотреть. Но главное, что ты должен помнить, – я могу причинить тебе такую боль, которую ты не в состоянии будешь выдержать. Я могу поддерживать в тебе жизнь многие недели и месяцы. Это будет бесконечная пытка. – Он понизил голос до свистящего шепота. – Мне это доставит удовольствие. Итак, начнем сначала.

Киан не потрудился повторить вопрос – как и предупреждал.

– Можно воспользоваться ложкой, – небрежным тоном заметил он. – Левый глаз выглядит неважно. Будь у меня ложка, я мог бы вынуть его из глазницы. Разумеется, можно и руками, – продолжил он, глядя прямо в бешено вращавшийся глаз пленника. – Но зачем марать руки, правда?

– Делай, что хочешь, – огрызнулся убийца, но не смог сдержать дрожь. – Я не предаю свою королеву.

– Глупость! – Дрожь и выступивший на лбу мужчины пот подсказывали Киану, что пленник сломается легко и быстро. – Ты не только предашь ее, но еще и спляшешь под волынку, если я прикажу. Так что не тани – у нас есть другие дела.

В ответ на движение Киана голова пленника дернулась назад. Но рука Киана скользнула вниз, удар был нанесен в пах мужчины. Пленник закричал.

– Больше никого нет! Я один!

– Подумай. – Киан снова занес руку. – Если ты лжешь, я пойму. И тогда начну по кусочку отрезать у тебя эту часть тела.

– Она послала только меня. – Теперь пленник всхлипывал. Слезы и пот струились по его лицу. – Одного.

Киан опустил руку.

– Почему?

Пленник молчал, учащенно дыша, и Киан вновь потянулся к нему.

- Почему?

- Одному легче пробраться в замок. Не... незамеченным.

- Логично, и это избавило тебя от участи евнуха - по крайней мере, пока. - Киан встал, взял стул, поставил его напротив пленника и уселся верхом. Не обращая внимания на всхлипывания мужчины, он говорил тихо и спокойно: - Так ведь лучше, правда? Цивилизованнее. Когда мы закончим наш разговор, твоими ранами займутся.

- Я хочу воды.

- Не сомневаюсь. Ты ее получишь, но потом. А теперь давай немного поговорим о Лилит.

Через тридцать минут - и еще два сеанса боли - Киан убедился, что пленник больше не может сообщить ничего ценного. Вампир встал.

- Кем ты был, пока она не забрала тебя?

- Учителем.

- У тебя были жена, дети?

- Они ни на что не годились, только в пищу. Я был беден и слаб, но королева разглядела во мне мужчину. Она дала мне силу и обозначила цель. А когда она убьет тебя и этих... насекомых, которые ползают рядом, мне обещана награда. У меня будут великолепный дом, прекрасные женщины, богатство, роскошь, власть.

- Лилит обещала, да?

- Да, и не только это. Ты говорил, что мне дадут воды.

– Говорил. Позволь объяснить тебе кое-что насчет Лилит. – Киан шагнул за спину человека, имя которого так и не спросил, и зашептал ему на ухо: – Она лжет. И я тоже.

Обхватив ладонями голову пленника, он одним быстрым движением свернул ему шею.

– Что ты сделал? – Потрясенная до глубины души, Мойра бросилась вперед. – Что ты сделал?

– То, что требовалось. Лилит послала только одного – в этот раз. Если тебе неприятно, прикажи охране убрать тело, прежде чем я объясню.

– Ты не имел права! Не имел! – Мойра чувствовала, как к горлу подступает тошнота, уже не в первый раз за время жестокого допроса. – Ты его убил. И чем ты тогда отличаешься от него, если убиваешь без суда, без приговора?

– Чем отличаюсь? – Киан вскинул брови, но голос его оставался спокоен. – Тем, что он в большей степени человек.

– Для тебя она так мало значит? Жизнь? Так мало?

– Наоборот.

– Мойра, Киан прав. – Блэр стала между ними. – Он сделал то, что было необходимо.

– Как ты можешь такое говорить?

– Потому что мне приходилось поступать точно так же. Это был пес Лилит, и если бы он сбежал, то повторил бы попытку уничтожить королеву Гилла. Если бы ему не удалось добраться до тебя, он убил бы кого-нибудь другого.

– Но бывают же военнопленные... – попыталась возразить Мойра.

– В этой войне нет пленных, – перебила ее Блэр. – С обеих сторон. Если посадить его под замок, то для его охраны придется отвлекать людей от тренировок. Он

был убийцей – шпионом, отправленным за линию фронта во время боевых действий. – А насчет человека – это преувеличение, – добавила она, бросив взгляд на Киана. – Ему уже никогда вновь не стать человеком. Если бы на том стуле сидел вампир, ты бы без колебаний проткнула его дротиком. Тут нет разницы.

Но от вампира остается лишь кучка пепла, а не тело, еще прикованное к стулу, подумала Мойра. Потом повернулась к одному из воинов.

– Убери тело пленника, Тинин. И проследи, чтобы его похоронили.

– Слушаюсь, Ваше величество.

Мойра заметила быстрый взгляд, который Тинин бросил на Киана, – в нем читалось одобрение.

– Вернемся в гостиную, – продолжила она. – Все проголодались, а ты сможешь... все объяснить, пока мы будем завтракать.

– Одиноким стрелок, – сказал Киан, ему отчаянно хотелось кофе.

– Похоже на правду. – Блэр взяла себе яйца и толстый ломоть поджаренной ветчины.

– Почему? – Мойра адресовала вопрос Блэр.

– Понимаешь, у них есть несколько полувампиров, натренированных для боя. – Она кивнула Ларкину. – Вроде тех, с которыми нам пришлось иметь дело в тот день, когда мы ездили к пещерам. Но их подготовка отнимает много времени и сил. И требуются большие усилия, чтобы держать их в рабстве.

– А если их освободить?

– Безумие. – Одним словом ответила Блэр. – Полный распад личности. Мне рассказывали, что полувампиры отгрызали себе руку, пытаясь сбежать и вернуться к хозяину.

- Он был обречен еще до того, как явился сюда, - прошептала Мойра.

- Да, с той минуты, как попал в лапы Лилит. Мне кажется, что она задумала диверсию, - для него это была самоубийственная миссия. Достаточно пожертвовать одним. Если все сложится, другие и не понадобятся.

- Да. Один человек, одна стрела. - Мойра задумалась. - Окажись он более искусен и удачлив, круг был бы разорван, а Гилл вновь оказался бы без правителя - всего через несколько мгновений после того, как обрел его. Да, это сильный и эффективный удар.

- Совершенно верно.

- Но почему он ждал, пока мы вернемся? Почему не стрелял в меня возле камня?

- Просто не успел, - объяснил Киан. - Неправильно оценил расстояние и пришел уже после окончания церемонии. На обратном пути тебя все время окружали люди, мешая прицелиться. Поэтому он присоединился к процессии, чтобы улучшить подходящий момент.

- Поешь. - Хойт сам наполнил тарелку Мойры. - Значит, Лилит знала, что Мойра сегодня пойдет к камню.

- Да, Лилит в курсе всех наших дел, - подтвердил Киан. - Неизвестно, правда, собиралась ли она помешать церемонии до столкновения Блэр с Лорой. Но королева вампиров разозлилась. Сильно - если верить этому несчастному лучнику. Как я уже говорил, у них с Лорой странные и запутанные отношения, но очень глубокие и искренние. Лилит отправила сюда убийцу в приступе ярости. Даже отдала ему лошадь, хотя количество лошадей у них ограничено.

- А как поживает наша маленькая французская булочка? - поинтересовалась Блэр.

- На момент его отъезда была вся в шрамах и рыдала; Лилит сама ухаживала за ней.

– Важнее знать, – перебил его Хойт, – где скрывается Лора и где прячутся все остальные.

– Наш информатор и луком не слишком-то хорошо владел, да и сообразительностью и наблюдательностью не отличался. Единственное, что я смог у него выудить, – Лилит находится на их главной базе в нескольких милях от поля битвы. Судя по его описанию, это небольшой поселок, выше которого расположена довольно приличная ферма с несколькими домиками и большим каменным особняком, где жил владелец поместья. Лилит заняла этот особняк.

– Балуклун, – сказал Ларкин и перевел взгляд на Мойру. Ее лицо стало очень бледным, глаза потемнели. – Должно быть, это Балуклун и земли клана Нилл. Семьи, которой мы помогли в тот день, когда вместе с Блэр проверяли ловушки, и Лора подстерегла ее. Мы наткнулись на них неподалеку от Дромбега, а это чуть западнее Балуклуна. Мы собирались двигаться дальше, на восток, чтобы проверить последнюю ловушку, но...

– Меня ранили, – закончила Блэр. – Мы добрались, куда смогли. К счастью для нас. Если бы к моменту нашего появления она успела устроить базу, пришлось бы иметь дело с противником, значительно превосходящим нас по численности.

– И вы были бы мертвы, – прибавил Киан. – Предполагаю, что армия Лилит переправилась сюда предыдущей ночью.

– Но там еще оставались люди – и на дорогах тоже. – От этой мысли у Ларкина все внутри похолодело. – И сами Ниллы. Неизвестно, добрались ли они до безопасного места. Откуда нам знать, сколько...

– Ниоткуда, – отрезала Блэр.

– Вместе с Кианом ты предлагала вывести людей – при необходимости силой – из всех деревень и поселков в окрестностях поля битвы. Сжечь все дома и постройки, чтобы лишить укрытия Лилит и ее армию. Я считал это бессердечием и жестокостью. Но теперь...

– Уже ничего не изменишь. И я не смогла бы... не стала бы, – поправила себя Мойра, – приказывать жечь дома. Возможно, так правильнее и мудрее. Но те, кто лишился домов, утратили бы стимул и мужество, необходимые, чтобы

сражаться. Поэтому мы выбрали другой путь.

Она так и не притронулась к еде, лежавшей на тарелке, но взяла чашку с чаем, чтобы согреть руки.

– Блэр и Киан сильны в стратегии, а Хойт и Гленна – в магии. Мы с тобой, Ларкин, знаем Гилл и его людей. Мы разбили бы их сердца, если бы лишили родных очагов.

– Вампиры все равно сожгут все, что им не нужно, – напомнил Киан.

– Да, но факел будут держать не наши руки. И это главное. Итак, мы полагаем, что нам известно их местонахождение. А численность?

– Пленник говорил о несметных толпах, но он лгал. Ему ничего не известно, – ответил Киан. – Лилит может активно использовать смертных, но никогда не включит их в число приближенных, не доверит им важную информацию. Люди для нее – пища, слуги, развлечение.

– Можно попробовать разузнать это, – подала голос Гленна. – Зная место, мы с Хойтом постараемся проникнуть туда с помощью магии. Получим более точную информацию – хотя бы представление о численности врага. После рейда Ларкина в пещеры нам известно, что оружия у них достаточно – на тысячу воинов, а может, даже больше.

– Мы обязательно сделаем это. – Хойт накрыл рукой ладонь Гленны. – Но Киан умалчивает, что их численность в конечном итоге все равно превзойдет численность нашей армии, и оружия у них больше. Лилит имела в своем распоряжении десятилетия, а скорее всего, и столетия на подготовку к сражению. А мы – всего несколько месяцев.

– Но мы все равно победим!

В ответ на это заявление Мойры Киан удивленно вскинул бровь.

– Потому что мы олицетворяем добро, а они зло?

– Нет, все не так просто, и доказательством тому ты сам – ты не похож ни на нее, ни на нас, ты совсем иной. Мы победим, потому что будем умнее и сильнее. И потому что рядом с Лилит нет никого, кто мог бы сравниться с нашей шестеркой.

Мойра повернулась к магу:

– Ты, Хойт, был первым. Ты собрал нас вместе.

– Нас выбрала Морриган.

– Она или судьба, – согласилась Мойра. – Но ты первым принял за дело. Именно ты поверил в свое предназначение, именно твоя сила выковала наш круг. Я в это верю. Я главная в Гилле, но не среди нас.

– Я тоже.

– Мы все равны. Мы должны быть едины – несмотря на различия. Мы берем друг у друга все, что необходимо каждому из нас. Я не самый сильный воин, а моя магия – лишь бледная тень вашей. У меня нет способностей Ларкина, нет железной воли для того, чтобы хладнокровно убивать. Но у меня есть знания и власть, и я предлагаю их вам.

– Ты обладаешь не только этим, – возразила Гленна. – У тебя есть гораздо больше.

– Будет, прежде чем все это закончится. У меня еще есть дела. – Мойра встала. – Я вернусь, как только смогу.

– По-королевски, – прокомментировала Блэр, когда Мойра удалилась.

– Груз ответственности, – проговорила Гленна и повернулась к Хойту. – Чем займемся?

– Сначала попробуем увидеть врага. А потом займемся огнем. Это самое мощное наше оружие, и нужно заколдовать как можно больше мечей.

– Достаточно рискованно давать мечи некоторым из тех, кого мы обучаем, – заметила Блэр. – Тем более огненные.

– Наверное, ты права, – задумчиво произнес Хойт. – Значит, нам нужно решить, кому – как это выразиться? – можно доверить такое оружие. Опытных воинов нужно разместить поблизости от лагеря Лилит. И им понадобится укрытие, в котором будет безопасно находиться после захода солнца.

– Ты имеешь в виду казармы. Там есть домики и сараи. – Задумавшись, Ларкин прищурил глаза. – При необходимости днем можно построить и другие помещения. Есть еще постоянный двор – между лагерем вампиров и следующим поселком.

– Почему бы нам не взглянуть на эту местность? – Блэр отодвинула тарелку. – Вы с Гленной окажетесь там с помощью магии, а мы с Ларкиным слетаем. Ты готов стать драконом?

– Всегда готов! – Он улыбнулся. – Особенно если ты оседлаешь меня.

– Секс, секс, секс. Вот неугомонный парень.

– На этой ноте, – сухо заметил Киан, – я отправляюсь спать.

– Минутку, – пробормотал Хойт, сжав руку Гленны, и вышел вслед за братом. – Мне нужно с тобой поговорить.

Киан покосился на него.

– Я исчерпал свой лимит слов на сегодняшнее утро.

– Придется проглотить еще немного. Моя комната ближе, если ты не возражаешь. Я хотел бы поговорить с тобой наедине.

– Пойдем уж – все равно ты потащишься ко мне и будешь донимать своими разговорами, пока я не вырву твой язык.

Между большим залом и спальнями сновали слуги. Готовятся к пиру, подумал Киан. Слова Хойта об огне напомнили ему Нерона и его лиру[7 - Согласно легенде, император Нерон (37-68) играл на лире и декламировал стихи, глядя на пылающий Рим. (Прим. перев.)].

Перешагнув порог, Хойт рукой преградил путь Киану.

- Солнце, - сказал он, метнулся к окнам и быстро задернул занавеси.

Комната погрузилась в полутьму. Привычно взмахнув рукой, Хойт зажег свечи.

- Очень удобно, - заметил Киан. - А то мне уже надоело возиться с трутницей.

- Это самое простое, и тебе это было бы вполне по силам, если бы потратил немного времени и сил на совершенствование своего дара.

- Слишком скучно. Это виски? - Киан направился прямо к графину и налил жидкость в бокал. - О, трезвость и неодобрение. - Он посмотрел на лицо брата, делая первый глоток. - Позволь напомнить тебе, что в конце дня... ладно, перейдем к делу.

Оглядевшись, Киан принялся расхаживать по комнате.

- Женские запахи. Такие женщины, как Гленна, всегда что-нибудь оставляют после себя, чтобы напоминать о своем присутствии мужчинам. - Он опустился в кресло, сгорбился и вытянул ноги. - Итак, о чем ты решил со мной поговорить?

- Были времена, когда ты радовался моему обществу и даже искал его.

Киан лениво пожал плечами.

- Сомневаюсь, что девятьсот лет разлуки усиливают братские чувства.

Тень сожаления промелькнула на лице Хойта, и он отвернулся, чтобы подбросить торф в камин.

– Опять будем спорить?

– Тебе решать.

– Я хотел поговорить с тобой наедине о том, как ты поступил с пленником.

– Значит, речь пойдет о гуманности. Да, да, мне следовало погладить его по голове, чтобы он мог предстать перед судом или трибуналом – не знаю, как это называется в Гилле. Нужно соблюдать проклятую Женевскую конвенцию[8 - Имеется в виду Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными, согласно которой «с военнопленными следует всегда обращаться гуманно». (Разд. II, ст. 13.)].

– Не знаю, о какой конвенции ты говоришь, но в такие времена не может быть суда, трибунала или чего-то подобного. Именно это я и хотел сказать, раздражительный глупец. Ты уничтожил убийцу, и я поступил бы точно так же – только с большим тактом и не столь демонстративно.

– Ага, пробрался бы незаметно к нему в темницу и всадил нож между ребер. – Киан вскинул брови. – Ладно.

– Нет. Все не так. Мы переживаем кошмарные времена. Я же сказал: ты сделал то, что было необходимо. Еще раз повторяю: я сам уничтожил бы его – за покушение на Мойру, за то, что он ранил тебя. Я еще никогда никого не лишал жизни, а те существа, которых я убивал в последние недели, были не людьми, а демонами. Но этого я убил бы – если бы ты не опередил меня.

Хойт умолк, пытаясь если не успокоиться, то хотя бы передохнуть.

– Мне так много хотелось тебе сказать, объяснить, что я чувствую. Но, кажется, я впустую трачу наше время – тебе плевать на мои чувства.

Киан не двигался. Он лишь отвел взгляд от искаженного яростью лица брата и посмотрел на стакан с виски в своей руке.

– Как это ни странно, мне не совсем безразличны твои чувства. О чем я сожалею. Ты разбередил во мне то, что я давно заставил себя забыть. Напомнил о семье,

которую я похоронил.

Хойт пересек комнату и сел напротив брата.

- Ты - моя семья.

Когда Киан поднял глаза на Хойта, в них была пустота.

- У меня нет семьи.

- Возможно, не было. Со дня твоей смерти до того мгновения, как я нашел тебя. Теперь все изменилось. Так что если тебе не все равно, я хочу сказать, что горжусь тобой. Я хочу сказать, что тебе все это дается тяжелее, чем любому из нас.

- Ты мог убедиться - убивать вампиров или людей мне совсем не трудно.

- Думаешь, я не замечаю, как слуги кидаются врассыпную при твоём приближении? Думаешь, я не видел, как Шинан бросилась к своему ребенку, чтобы ты не свернул шею девочке, как ты свернул ее пленнику? Такие оскорбительные жесты не могут остаться незамеченными.

- Не все считают оскорбительным страх, который они вызывают. Это не имеет значения. Не имеет, - повторил он, увидев, как замкнулось лицо Хойта. - Для меня это всего лишь мгновение среди вечности. Даже меньше. Когда все закончится - если мне не проткнут сердце, - я пойду своей дорогой.

- Надеюсь, эта дорога иногда будет приводить тебя к нам с Гленной.

- Возможно. Мне нравится смотреть на нее. - Губы Киана медленно расползлись в небрежной улыбке. - И кто знает, может, она, в конце концов, разберется в своих чувствах и поймет, что выбрала не того брата. Времени у меня сколько угодно.

- Она без ума от меня. - Повеселев, Хойт взял виски Киана и немного отхлебнул.

– Разум ей изменил, когда она согласилась соединить свою жизнь с твоей, но женщины – странные существа. Тебе с ней повезло, Хойт, не помню, говорил ли я тебе это раньше.

– Это настоящее волшебство. – Хойт вернул виски брату. – Без нее все теряет смысл. Мой мир перевернулся, когда появилась она. Если бы ты...

– В Книге судеб для меня написан другой сценарий. Поэты утверждают, что любовь вечна, но я могу тебе сказать, что все выглядит совсем по-другому, когда ты бессмертен, а женщина – нет.

– Ты когда-нибудь любил женщину?

Киан посмотрел на виски и подумал о прошедших столетиях.

– Такого, как у вас с Гленной, у меня не было. Я всегда понимал: это не мой выбор.

– Любовь – выбор?

– Выбор есть всегда. – Киан допил остатки виски и поставил пустой стакан. – А теперь я выбираю постель.

– Сегодня ты выбрал стрелу, предназначенную для Мойры, – сказал Хойт в спину уходящему брату.

Киан замер и оглянулся. Взгляд его был настороженным.

– Да.

– Мне кажется, это очень человеческий выбор.

– Разве? – Киан пожал плечами. – А мне кажется – импульсивный... и болезненный.

Он выскользнул из комнаты брата и направился к себе в спальню, расположенную в северном крыле замка. Внезапный порыв, вновь подумал Киан, а также – вынужденно признался он самому себе – мгновение чистого страха. Если бы он заметил стрелу секундой позже или действовал недостаточно быстро, Мойры уже не было бы в живых.

В то ужасное мгновение он представил ее мертвой. Трепещущая стрела, которая пронзила ее тело, и кровь, брызнувшая на темно-зеленое платье и серые камни террасы.

Киан боялся – боялся, что Мойра умрет, что покинет его. Он не сможет видеть ее, прикоснуться к ней. Этой стрелой Лилит забрала бы последнее, что у него осталось, то, чего ему никогда не обрести вновь.

Он лгал брату. Он любил женщину, любил новую королеву Гилла, несмотря на свои самые лучшие – или худшие – побуждения.

Это нелепо, невозможно, и со временем он, конечно же, справится с собой. Через десять или двадцать лет забудет цвет этих удивительных серых глаз. А ее запах перестанет будоражить его чувства. Он больше не будет вспоминать звук ее голоса, ее сдержанную, серьезную улыбку.

Такие вещи стираются из памяти, напомнил себе Киан. Нужно лишь разрешить себе забыть их.

Войдя в комнату, он закрыл за собой дверь и запер ее.

Окна были занавешены, свечи не горели. Мойра проинструктировала слуг, как убирать его спальню. И специально выбрала эту комнату, подальше от остальных, окнами на север.

Меньше солнечного света, вспомнил он. Заботливая хозяйка.

Киан разделся в темноте, мельком вспомнив о музыке, которую привык слушать перед сном или в минуты пробуждения. Музыка делала тишину не такой гнетущей.

Но в этом месте и в этом времени нет компакт-дисков, радио и других подобных штучек.

Обнаженный, он вытянулся на постели. И уснул – в полной темноте и в полной тишине.

4

Мойра выкроила время, чтобы побыть одной. Убежала от придворных дам, от дяди, от своих обязанностей. И уже терзалась чувством вины и боялась, что будет плохой королевой – из-за своей любви к одиночеству.

Она согласилась бы два дня не есть или две ночи не спать ради одного часа, проведенного за чтением книг. Это эгоизм, упрекала себя она, скрываясь от шума, от людей, от бесконечных вопросов. Нельзя думать о собственных пристрастиях, когда на карту поставлены судьбы миров.

Нет, Мойра не станет баловать себя, затаившись в каком-нибудь солнечном месте с книгой в руках. Ей нужно нанести этот визит.

В день, когда она стала королевой, ей очень не хватало матери. Поэтому Мойра, подхватив юбки, поспешно спустилась по склону холма и прошла в узкий проем каменной стены, огораживающей кладбище.

И почти сразу же почувствовала, как дрогнуло ее сердце.

Сначала она подошла к плите, которую приказала вырезать и установить сразу же по возвращении в Гилл. Один надгробный камень Мойра собственноручно поставила Кингу в Ирландии, на кладбище, где похоронены предки Хойта и Киана. Но поклялась увековечить память друга и здесь, в Гилле.

Положив на землю цветы, Мойра еще раз прочла слова, которые повелела выбить на отполированной плите:

Кинг

Этот храбрый воин лежит не здесь,

а в далекой земле.

Он отдал свою жизнь за Гилл и все человечество.

- Надеюсь, тебе понравился бы и камень, и эпитафия. Мне кажется, я так давно тебя не видела. Давно и в то же время совсем недавно. Мне жаль расстраивать тебя, но сегодня Киана ранили – из-за меня. Но он поправляется. Вчера вечером мы с ним разговаривали почти по-дружески. А сегодня не совсем. Это так тяжело.

Она прижала ладонь к камню.

- Теперь я королева. Это тоже нелегко. Надеюсь, ты не против, что я поставила этот памятник здесь, где покоится моя семья. Ты стал для меня близким человеком – за то короткое время, что мы были вместе. Ты был членом моей семьи. Надеюсь, ты покоишься в мире.

Мойра отступила от плиты, потом поспешно вернулась.

- Да, я еще хотела тебе сказать, что держу левую руку высоко – как ты меня учил. – Она подняла руки и приняла боксерскую стойку. – И никогда не пропущу удар в лицо. Спасибо.

Подхватив остальные цветы, она побрела по высокой траве между каменными плитами к могиле родителей.

Королева положила букет на могилу отца.

- Сэр. Я почти не помню вас, и мне кажется, что воспоминания – большая их часть – сложились по рассказам матери. Она очень вас любила и часто

рассказывала о вас. Я знаю, вы были хорошим человеком – иначе она бы вас не любила. Все говорят, что вы были сильным, добрым и веселым. Мне бы очень хотелось помнить звук вашего голоса, ваш смех.

Скользнув взглядом поверх могил, она посмотрела на холмы и далекие горы.

– Я узнала, что ваша смерть была не такой, как все мы думали. Вас убили. Вместе с младшим братом. Вас убили демоны, которые пришли в Гилл и готовятся к войне. Теперь осталась одна я, но надеюсь, что этого достаточно.

Мойра опустилась на колени между могилами и положила остальные цветы на могилу матери.

– Я скучаю по тебе, каждый день. Ты знаешь, что мне пришлось уехать далеко, чтобы вернуться более сильной. Маатир.

Она закрыла глаза, произнося это слово, и представила себе лицо матери.

– Я не смогла помешать тому, что произошло с тобой, и до сих пор вижу ту ночь, словно сквозь пелену тумана. Те, кто тебя убил, понесли наказание, и один из них пал от моей руки. Больше я ничего не в силах для тебя сделать. Я могу только сражаться, вести свой народ на битву. Некоторым придется умереть. Теперь я ношу меч и корону Гилла. И не посрамлю их.

Мойра еще немного посидела у могил, прислушиваясь к шелесту травы и наслаждаясь игрой солнечного света.

Потом встала, повернулась к замку и увидела Морриган, стоящую у каменной стены.

Сегодня богиня была в голубом платье – светлом и нежном, с синей каймой. Огненные волосы свободно ниспадали на плечи.

С тяжелым сердцем Мойра направилась навстречу богине.

– Миледи.

– Ваше величество.

Удивленная поклоном Морриган, Мойра судорожно сжала пальцы, пытаясь унять дрожь.

– Разве боги почитают королей?

– Конечно – ведь мы создали эту землю и повелели вашему роду управлять ею и служить ей. Мы довольны тобой. Дочь моя. – Положив ладони на плечи Мойры, Морриган расцеловала девушку в обе щеки. – Прими наше благословение.

– Я бы предпочла, чтобы вы благословили мой народ и оградили его от опасностей.

– Это твоя забота. Меч извлечен из ножен. Создавая его, мы знали, что настанет день, когда он запоет в битве. И это твоя обязанность.

– Лилит уже пролила кровь жителей Гилла.

Глаза Морриган были спокойными и глубокими, словно озера.

– Дитя моя, кровь, пролитая ею, заполнит целый океан.

– И мои родители только капли в этом океане?

– Каждая капля драгоценна, и каждая капля служит определенной цели. Ты обнажила меч только для того, чтобы отомстить за родных?

– Нет. – Мойра шагнула в сторону и взмахнула рукой в сторону кладбища. – Там есть еще один камень, установленный в память о друге. Я обнажила меч ради него тоже и ради его мира, ради всех миров. Мы все неразрывно связаны.

– Очень важно понимать это. Знание – великий дар, а жажда познания еще ценнее. Используй то, что ты знаешь, и Лилит никогда не одолеет тебя. Разум и сердце, Мойра. Ты не рождена для того, чтобы делать выбор между ними. Твой меч запылает, обещаю тебе, а твоя корона засияет, как солнце. Но истинная сила – в твоём разуме и в твоём сердце.

– Мне кажется, они переполнены страхом.

– Без страха не бывает мужества. Верь и знай. И не расставайся с мечом. Именно твоей смерти Лилит жаждет больше всего.

– Моей? Но почему?

– Она не знает. Знание – это твоя сила.

– Миледи, – продолжила Мойра, обращаясь к Морриган, но богиня исчезла.

Присутствовать на пире полагалось в новом одеянии, поэтому Мойре пришлось провести целый час среди суетящихся вокруг нее придворных дам. Заботу о своем гардеробе Мойра поручила тетке. Та выбрала для нее милое бледно-голубое платье, которое очень шло новой королеве. Мойра любила красивые наряды, и ей нравилось быть хорошо одетой.

Но ей было совсем не по душе, что переодеваться приходилось несколько раз на дню и проводить огромное количество времени в окружении болтливых женщин.

Мойра была вынуждена признать, что скучает по тем временам, когда она носила джинсы и рубашки. Эта одежда, которую она надевала в Ирландии, как будто делала ее свободнее. Завтра утром она шокирует придворных дам, одевшись так, как подобает воину, готовящемуся к битве.

Но сегодня придется смириться с бархатом, шелком и драгоценностями.

– Как твои дети, Кэра?

– Хорошо, миледи, благодарю вас. – Стоя за спиной Мойры, служанка заплетала густые шелковистые волосы королевы в замысловатые косички.

– Твои обязанности при дворе и ежедневные тренировки отрывают тебя от них чаще, чем мне бы хотелось.

Их взгляды встретились в зеркале. Мойра знала Кэру как разумную женщину, самую рассудительную и уравновешенную из трех ее служанок.

– За детьми присматривает моя мать. С удовольствием. И я занимаюсь делом. Лучше не увидать их несколько часов сейчас, чем потом подвергать опасности.

– Гленна говорила, что ты делаешь успехи в рукопашном бою.

– Да. – Лицо Кэры напряглось, губы растянулись в мрачной улыбке. – У меня не очень получается с мечом, но время еще есть. Гленна хороший учитель.

– Строгий, – вставила Дервил. – Конечно, не такой суровый, как леди Блэр, но все равно требовательный. Мы бегаем каждый день, деремся, кувыркаемся, вырезаем дротики. К концу занятий так устаешь, а все тело покрывается синяками и занозами.

– Лучше быть усталым и побитым, чем мертвым.

В ответ на замечание Мойры Дервил вспыхнула.

– Я не хотела проявить неуважение, Ваше величество. Я многому научилась.

– Да, мне сказали, что ты становишься настоящим демоном, когда берешь в руки меч. Я горжусь тобой. А у тебя, Ислин, меткий глаз.

– Да, вроде бы неплохо получается. – Ислин, самая молодая из трех служанок, зарделась от похвалы королевы. – Стрелять из лука мне нравится больше, чем драться. Кэра всегда сбивает меня с ног.

– Когда ты пищишь, как мышь, и беспорядочно машешь руками, любой тебя одолеет, – заметила Кэра.

– Кэра выше ростом, и руки у нее длиннее. Поэтому ей проще бороться, – заметила Мойра. – А ты должна быть быстрее и хитрее. Я горжусь всеми вами, каждым вашим синяком. Начиная с завтрашнего утра, я буду упражняться вместе с вашей командой – не меньше часа в день.

– Но, Ваше величество, – возразила Дервил, – вы не можете...

– Могу, – перебила ее Мойра. – И буду. И надеюсь, что вы и все остальные женщины будете стараться изо всех сил, чтобы сбить меня с ног. А это нелегко. – Увидев, что Кэра отошла, Мойра встала. – Я тоже кое-чему научилась. – Она взяла корону и водрузила ее себе на голову. – Можете мне поверить: я справлюсь с вами троими и любой другой женщиной.

Мойра повернулась, величественная в переливающимся бархатном платье.

– Та, кому удастся победить меня в рукопашной схватке или поединке с любым оружием, получит один из серебряных крестов, заколдованных Гленной и Хойтом. Это будет лучший подарок. Передайте остальным.

Словно участвуешь в спектакле, подумал Киан. Сценой служил огромный зал, украшенный знаменами, освещенный свечами и огнем каминов. Рыцари, лорды и дамы щеголяли в лучших нарядах. Камзолы и платья, драгоценные камни и золото. Он заметил, что некоторые мужчины и женщины надели обувь с длинными загнутыми носами – похоже на моду той эпохи, когда он был еще человеком.

Вот ведь как: даже суетная мода проникает из одного мира в другой.

Еды и напитков было столько, что длинные столы буквально ломились под тяжестью блюд и кувшинов. Волынщик наигрывал веселую, быструю музыку. Разговоры, обрывки которых он слышал, затрагивали самые разные темы. Мода, политика, сплетни об интимных связях, любовь, финансы.

Разница не слишком велика, подумал Киан, вспоминая свой ночной клуб в Нью-Йорке. Разве что одежды там на женщинах меньше, а музыка звучит громче. Но суть не сильно изменилась даже по прошествии нескольких веков. Люди по-прежнему любят собираться вместе, чтобы поесть, выпить и послушать музыку.

Вспомнив свой ночной клуб, Киан задался вопросом: скучает ли он по нему? Возбужденная атмосфера, звуки музыки, толпа людей. И понял, что не скучает. Ни капельки.

Скорее всего, ему просто надоела прежняя жизнь, ему захотелось перемен, и в любом случае он переехал бы в другое место. Появление брата, преодолевшего время и пространство, лишь ускорило события.

Однако без Хойта и необходимости выполнить миссию, возложенную на него богами, переезд вылился бы в смену имени и места жительства, в перевод активов. Сложная процедура, занимавшая много времени, – и интересная. У Киана было уже больше сотни имен и домов, но интерес ко всему новому не пропадал.

Куда бы он отправился? Возможно, в Сидней. Или в Рио. А может, в Рим или в Хельсинки. Достаточно лишь наугад воткнуть булавку в карту мира. Осталось не так много мест, где он еще не жил, и ни одного, которое при желании он не мог бы сделать своим домом.

Но все это относилось к его миру. Другое дело – Гилл. Один раз он уже пожил в этой эпохе, вкусил прелести ее культуры. Его семья принадлежала к мелкопоместному дворянству, и в свое время Киан пресытился пышными пирами. Снова окунуться в «прелести» подобной жизни у него не было ни малейшего желания. Теперь он предпочитал графинчик бренди и хорошую книгу.

Киан не собирался долго задерживаться на праздничной церемонии и пришел лишь потому, что знал: кое-кто будет искать его. Он мог бы остаться у себя, но в этом случае завтра ему бы пришлось выслушивать насмешки Хойта.

Проще появиться ненадолго, поднять бокал за новую королеву, а потом незаметно ускользнуть.

Киан отказался надеть праздничный костюм и прочие аксессуары, доставленные к нему в комнату. Может, он и подзадержался в Средних веках, но наряжаться в средневековую одежду не входило в его планы.

Поэтому пришлось довольствоваться черными брюками и свитером. В это путешествие он не захватил ни костюма, ни галстука.

Тем не менее он ласково улыбнулся Гленне, которая подплыла к нему в изумрудно-зеленом платье – кажется, в прежние времена их называли robe

deguisee[9 - Robe deguisee(фр.) – в Средние века элегантная, модная одежда смелого покроя.]. Очень официальное, очень элегантное, с глубоким круглым вырезом, открывавшим прелестную грудь.

– Передо мной видение, с которым не сравнится ни одна богиня.

– Я и ощущаю себя почти что богиней. – Гленна развела руками, демонстрируя широкие расклешенные рукава. – Только уж очень тяжелое. На него пошло фунтов десять ткани. Вижу, ты выбрал облегченный вариант.

– Я предпочту самоубийство облачению в подобный костюм.

Гленна не могла удержаться от смеха.

– Я тебя понимаю, но так забавно видеть Хойта в старинном наряде. Для меня – а может, и для тебя, после стольких лет, прожитых в другом времени, – это похоже на костюмированный бал. Мойра выбрала для мага золотисто-черные тона. Ему очень идет – а тебе, надо сказать, к лицу более современный наряд. Весь этот день – словно странный сон.

– Или странная пьеса.

– Да, похоже. Но, как бы то ни было, сегодняшней пир – короткая и увлекательная передышка. Днем мы провели разведку. Мы с Хойтом – с помощью магии, а Ларкин и Блэр осмотрели местность с воздуха. Расскажем, когда...

Гленна умолкла, услышав звуки труб.

В зале появилась Мойра – в роскошном платье с длинным шлейфом, на голове сверкающая в свете сотен свечей корона.

Она сияла, как и полагается королеве, – и как может сиять женщина в предчувствии любви.

Ощувив волнение в груди – хотя там не билось сердце, – Киан мысленно выругался.

Ничего не поделаешь, ему все-таки придется посидеть за праздничным столом. Преждевременный уход был бы воспринят как оскорбление. Киана это не очень беспокоило, однако не стоило привлекать к себе излишнее внимание. Он снова попал в ловушку.

Мойра заняла место в центре стола; по правую руку от нее сел Риддок, по левую – Ларкин. Киан с облегчением вздохнул, увидев рядом с собой Блэр – девушка могла и новости сообщить, и развлечь.

– Лилит еще ничего не сожгла, что стало для нас сюрпризом, – начала рассказывать она. – Вероятно, слишком занята со своей Лорой. Кстати, у меня вопрос. Этой французской сучке уже четыреста лет, да? А тебе в два раза больше. Почему у вас обоих сохранился акцент?

– А почему американцы считают, что все должны говорить так, как они?

– Резонно. Это оленина? Думаю, да. – Она откусила кусочек. – Совсем неплохо.

На Блэр было открытое красное платье, обнажавшее ее прекрасные сильные плечи. Коротко постриженные волосы были уложены просто, но в ушах блестели огромные, словно кулачок младенца, круглые серьги.

– Как тебе удастся держать голову прямо с такими серьгами?

– Мода требует жертв, – усмехнулась она и продолжила рассказ: – У них есть лошади. Пара десятков животных содержится в нескольких загонах. Наверное, в конюшнях есть еще. Я подумала, что можно попробовать угнать лошадей. Чтобы насолить врагу. Или даже – если удастся уговорить Ларкина – поджечь несколько домов. Лучше это сделать в солнечную погоду. Если вампиры останутся внутри, то сгорят. Выйдут наружу – тоже сгорят.

– Хорошая мысль. Как бы только внутри не притаилась охрана с луками.

– Ну да. Я тоже об этом подумала. И решила, что можно пустить пару огненных стрел, чтобы привлечь их внимание. Выбрала цель – домик рядом с самым большим пастбищем. Вполне логично было бы разместить там отряд. Представь мое удивление, когда стрелы отскочили от воздуха, точно от стены.

Прищурившись, Киан внимательно посмотрел на Блэр.

– Ты имеешь в виду силовое поле? Это что, «Звездные войны»[10 - «Звездные войны» – фантастическая сага американского режиссера Дж. Лукаса, созданная им в начале 1970-х гг. Первый фильм назывался «Звездные войны. Новая надежда».], черт возьми?

– Рассказываю о том, что видела. – Подхватив его тон, Блэр хлопнула Киана по плечу. – Похоже, Мидир, чародей Лилит, работает в две смены. Их лагерь окружен защитной оболочкой. Ларкин спустился, чтобы все как следует рассмотреть, и нас обоих потрянуло. Будто током ударило. Вот гад.

– Да уж.

– А потом он и сам появился – вышел из большого дома, особняка. Должна тебе признаться, вид у него внушительный. Развевающаяся черная мантия, грива серебристых волос. Мидир вышел и встал рядом с домом: мы долго смотрели друг на друга. Наконец, я все поняла. Тупиковая ситуация. Мы не могли проникнуть сквозь барьер, но и они тоже. Вампиры заперты внутри, а мы снаружи. Получилась как будто крепость, черт бы ее побрал. Но так, наверное, даже лучше.

– Лилит умеет использовать людей, которых привела с собой, – пробормотал Киан.

– Похоже на то. Так что пришлось мне опуститься до неприличных жестов, чтобы не жалеть о потерянном времени. Но ведь ночью они снимут защиту, да?

– Возможно. Даже если они привезли с собой достаточно пищи, зверь должен охотиться. Лилит не позволит, чтобы ее армия застоялась или начала терять терпение.

– Значит, можно попробовать ночной набег. Не знаю. Нужно подумать. А это хаггис[11 - Хаггис – национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов (сердца, печени и легких), порубленных с луком, толокном, салом, приправами и солью и сваренных в бараньем желудке.], да? – Блэр сморщила нос. – Нет, это блюдо я пропускаю. – Она придвинулась поближе и понизила голос. – Ларкин

говорит, что люди рассказывают друг другу, как ты поступил с парнем, который пытался убить Мойру. Стража замка и рыцари на твоей стороне.

- Вряд ли это имеет какое-то значение.

- Ты прекрасно знаешь, что имеет. Очень важно, когда элита армии не только мирится с тобой, но и уважает тебя. Сэр Киан.

Он поморщился.

- Не надо.

- А по мне так важно. А эта желеобразная штука немного твердовата. Ты не знаешь, что это такое?

Киан подождал - специально, - пока она откусила еще кусок.

- Заливное из ливера - скорее всего, свиного.

Блэр поперхнулась, и Киан громко рассмеялся.

Непривычный звук, подумала Мойра. Его смех. Странный, грубоватый, но очень привлекательный. Она ошиблась, прислав ему костюм. Киан слишком сросся со своим временем - или с тем, что стало его временем, - чтобы надевать костюм ее эпохи.

Тем не менее Киан все-таки пришел, хотя она до последней минуты не была в этом уверена. Но не удостоил ее даже словом. Ни единым.

Он убивает, защищая ее, подумала Мойра, но при этом не разговаривает с ней.

Поэтому нужно выбросить его из головы - точно так же, как он выбросил ее.

Больше всего ей хотелось, чтобы этот вечер поскорее закончился. Она мечтала вытянуться в своей постели, заснуть. Содрать с себя тяжелый бархат и свободной ускользнуть - всего на одну ночь - в объятия тьмы.

Но ей приходилось демонстрировать, что она полна сил, весела и у нее отменный аппетит, хотя есть ей совершенно не хотелось. Она старалась участвовать в разговорах, хотя от усталости у нее слипались глаза.

Мойра выпила слишком много вина, и ей ко всему прочему стало жарко. А до спасительной постели нужно было терпеть еще несколько часов.

Разумеется, ей все равно приходилось улыбаться и пить каждый раз, когда рыцари подходили к ней, чтобы поднять бокал за ее здоровье. Гости сменяли друг друга с такой быстротой, что у нее закружилась голова.

Наконец, испытывая огромное облегчение, Мойра объявила о начале танцев.

Обычай требовал, чтобы королева танцевала в первом туре, и Мойра обнаружила, что от движения и музыки ей стало легче.

Разумеется, Киан не танцевал. Просто сидел за столом. Слово король, страдающий несварением желудка, подумала она, глупо злясь оттого, что хотела танцевать именно с ним. Чувствовать его руки, смотреть в его глаза.

Он сидел, окидывая взглядом толпу гостей и медленно потягивая вино. Мойра покружилась с Ларкиным, поклонилась дяде, ударила в ладоши с Хойтом.

А когда снова посмотрела в сторону стола, Киан исчез.

Ему не хватало свежего воздуха – более того, ему не хватало ночи. Темное время суток оставалось его стихией. То, что скрывалось под маской человека, будет всегда жаждать ночи, стремиться к ней.

Киан поднялся наверх и вышел наружу, где царил густая тьма, а музыка из зала доносилась лишь слабым серебристым эхом. Луна была затянута облаками, огоньки звезд казались размытыми. К утру должен начаться дождь – Киан буквально чувствовал его запах.

Двор внизу освещался факелами, на стенах и у ворот была расставлена стража.

Он услышал, как один из часовых откашлялся и сплюнул, потом от внезапного порыва ветра захлопали флаги на башне. При желании Киан мог бы услышать, как копошится мышь в своем гнезде, устроенном в щели между камнями, или бумажный шорох крыльев летучей мыши, кружившей в небе.

Киан мог слышать то, что не слышали другие.

Он чувствовал запахи людей – соль на коже, густой аромат крови, струящейся по жилам. Жажда никогда не покидала его – потребность охотиться, убивать, пить кровь.

Вкус горячей, свежей крови во рту и в горле. Ее жизненная сила, которой не хватало в свиной крови из пластиковых пакетов. Горячая – он хорошо помнил первый вкус крови, – всегда горячая. Согревавшая то, что было холодным и мертвым, и на мгновение вдыхавшая жизнь – или ее тень – в этот холод и тлен.

Так приятно иногда об этом вспоминать. Приятно вспоминать то, чему он противопоставил собственную волю. Но главное – помнить, что именно крови жаждут те, против кого он сражается.

Людам не понять его. Даже Блэр, которая знает о вампирах больше других.

И все-таки они будут сражаться, будут умирать. А на их место придут другие и тоже будут сражаться и умирать. Конечно, некоторые побегут – без трусов не обходится ни одна битва. Другие же онемеют от страха и замрут на месте, ожидая смерти, словно кролики в лучах фар.

Но большинство не покинет поля боя, не спрячется, не окаменеет от ужаса. Долгие годы наблюдая за жизнью и смертью людей, Киан понял: когда отступить некуда, они бьются, словно демоны.

Если люди победят, появится огромное количество песен и легенд. Через много-много лет старики будут сидеть у камина и рассказывать внукам и правнукам о славных днях, демонстрируя боевые шрамы.

А кто-то будет просыпаться в холодном поту, вновь и вновь переживая во сне ужас войны.

А что ждет его, если он останется в живых? Дни славы или ночные кошмары? Ни то, ни другое, потому что в нем слишком мало человеческого, и он не станет тратить время на то, что ушло навсегда.

А если верх возьмет Лилит – ну что ж, настоящую смерть можно отнести к ощущениям, которые он еще не испытывал. И это может быть интересно.

Острый слух Киана уловил звук шагов на каменных ступенях. Шаги Мойры – ее походку он знал так же хорошо, как и запах.

Киан хотел было скрыться в тени, но потом отругал себя за трусость. Она всего лишь женщина, всего лишь человек. И никем иным для него быть не может.

Когда Мойра вышла наружу, он услышал вздох, словно новоиспеченная королева сбросила с себя огромный груз. Подойдя к парапету, девушка откинула голову назад и закрыла глаза. Она вдыхала ночной воздух полной грудью.

Лицо девушки покраснелось, но под глазами залегли тени усталости.

Из ее длинных волос служанки заплели несколько тонких косичек, украшенных золотистыми нитями, которые поблескивали в струящемся каштановом водопаде.

Киан заметил то мгновение, когда она почувствовала, что рядом кто-то есть. Плечи ее вдруг напряглись, рука скользнула в складки платья.

– Если у тебя там дротик, – сказал Киан, – то ты даже не успеешь направить его на меня.

Плечи Мойры остались напряженными, но рука опустилась, и девушка повернулась к нему.

– Я тебя не видела. Хотела подышать свежим воздухом. Внутри так жарко, а я слишком много выпила.

– Скорее мало съела. Я оставлю тебя, наслаждайся.

– Не уходи. Всего минутка, и этот чертов воздух будет целиком и полностью твоим – я скоро вернусь обратно.

Киан внимательно посмотрел на ее лицо, заглянул ей в глаза и понял, что маленькая королева действительно на грани обморока.

– А ты поднялся сюда для философских размышлений? Никак не могу понять, что лучше для серьезных мыслей: открытое место вроде этого или замкнутое пространство? Наверное, у тебя много мыслей – судя по тому, сколько всего ты повидал.

Мойра покачнулась, и Киан схватил ее за руку. И тут же отпустил. Она рассмеялась.

– Ты так стараешься не дотрагиваться до меня, – заметила она. – За исключением тех случаев, когда спасаешь меня от смерти или от раны. Или случайно сталкиваешься со мной во время занятий. Мне это кажется интересным. В тебе много интересного, да?

– Нет.

– За исключением одного раза, – продолжала она, не обращая внимания на его ответ, и шагнула ближе. – Тогда ты прикоснулся ко мне как мужчина. Руками и губами. Я долго размышляла над этим.

Киан хотел было отступить, но, осознав, что Мойра может расценить это как трусость, разозлился.

– Нужно было преподать тебе урок.

– Я ученый, и мне нравится учиться. Преподай мне еще один.

– Это глупо. Вино затуманило твой мозг. – Киана раздражал собственный тон, напряженный и высокомерный. – Возвращайся, и пусть служанки уложат тебя в постель.

– Затуманило. Завтра я буду жалеть, но это будет завтра, правда? Боже, какой сегодня был день! – Она медленно повернулась, и ее юбка скользнула по камням. – Неужели только сегодня утром я шла к камню? Просто невероятно. У меня такое чувство, что я весь день таскаю с собой этот меч, да еще вместе с камнем. Теперь я их откладываю – до завтра. Откладываю. Я и вправду пьяна, и что с того?

Мойра еще ближе подошла к Киану, но гордость не позволила ему отступить.

– Я надеялась, что ты сегодня потанцуешь со мной. Надеялась и представляла, что я буду чувствовать, когда ты прикоснешься ко мне – не в бою, не из вежливости и не по ошибке.

– У меня неподходящее настроение для танцев.

– О, тебе так трудно угодить. – Она так внимательно разглядывает его лицо, подумал Киан, словно это страница книги. – Мне тоже. Я разозлилась, когда ты поцеловал меня. И немного испугалась. А теперь не злюсь и не боюсь. Мы поменялись местами.

– Теперь это было бы не только глупо, но и смешно.

– Тогда докажи. – Мойра подошла вплотную к Киану и подняла к нему лицо. – Преподай мне еще один урок.

Вряд ли его ждет проклятие. Он уже давно проклят. В его порывистых движениях не было ни нежности, ни ласки. Киан резко дернул Мойру к себе, так что ее ноги едва не оторвались от каменного пола, и быстро поцеловал ее.

Ее теплые губы пахли вином. Киан почувствовал безрассудство Мойры, которого он никак не ожидал от нее. И понял, что совершает ошибку.

Мойра ждала его. Пальцы перебирали его волосы, губы жадно приоткрылись. Она не прильнула к нему, уступая, и не дрожала под его напором. Она жаждала большего.

Желание когтями раздирало его плоть – еще один демон, посланный ему на погибель.

Мойра удивлялась, почему воздух между ними не задымился и они оба не запылали, словно факелы. Огонь бурлил в крови, проникая до самых костей.

Как же она жила, не зная этого чувства?

Жар не погас, остался внутри, даже когда Киан отпустил ее и отстранился.

– Ты почувствовал? – Ее шепот был полон удивления. – Ты почувствовал?

Вкус ее губ не покидал Киана, и он всем своим существом желал ее. Поэтому он ничего не ответил – вообще не произнес ни слова. Просто ускользнул в темноту и исчез, прежде чем она успела вздохнуть.

5

Мойра проснулась рано, бодрая и полная сил. Весь предыдущий день она чувствовала на себе такой груз, словно ноги ее были скованы кандалами. Теперь цепь порвалась. И даже дождь, лившийся с мрачного серого неба, и отсутствие малейшего намека на появление солнца не могли испортить ее настроения. Внутри у Мойры снова зажегся свет.

Королева надела ирландский костюм, как она его называла, – джинсы и фуфайку. Время парадных церемоний и пышных украшений прошло, а чувства подождут, пока у нее не появится время подумать о них.

Хоть она и королева, но это не значит, что ей можно бездельничать, решила Мойра, заплетая волосы в толстую косу.

Она будет воином.

Зашнуровав сапоги, она пристегнула к поясу меч. Женщину, которая смотрела на нее из зеркала, Мойра узнавала и одобряла. У этой женщины есть цель, власть и знания.

Повернувшись, она обвела внимательным взглядом комнату. Королевская спальня. Некогда комната матери – а теперь ее самой. Широкая кровать обтянута темно-синим бархатом, а постель украшена белоснежными кружевами – мать любила красивые вещи. На толстых колонках кровати из полированного дуба вырезан орнамент – символы Гилла. Пейзажи на стенах тоже изображали Гилл: его поля, холмы и леса.

На прикроватном столике стоял небольшой портрет в серебряной рамке. Каждую ночь отец Мойры смотрел на ее мать; теперь он будет смотреть на дочь.

Мойра бросила взгляд на дверь, ведущую на балкон. Занавеси там по-прежнему были плотно задернуты, и она решила оставить все, как есть. По крайней мере, пока. У нее не хватает духу открыть эту дверь и ступить на каменный пол балкона, где убили ее мать.

Лучше вспоминать счастливые часы, проведенные с матерью в этой комнате.

Выйдя из спальни, Мойра направилась к комнате Гленны и Хойта и постучала в дверь. Ожидая ответа, она вдруг вспомнила, что еще очень рано. Она уже собиралась уйти, надеясь, что ее стук не услышали, когда дверь открылась.

Хойт натягивал халат. Волосы у него были всклокоченными, глаза сонными.

– Прошу прощения, – пробормотала Мойра. – Я не думала...

– Что-то случилось? Беда?

– Нет, нет, ничего. Просто я не подумала, что еще рано. Ложись.

– Кто там? – За спиной Хойта появилась Гленна. – Мойра? Что произошло?

– Нет, извините, ничего. Простите мне мою бестактность. Я рано встала и не подумала, что остальные могут еще спать, особенно после ночного пира.

– Все в порядке. – Гленна прижала ладонь к руке Хойта, заставив его посторониться. – Ты что-то хотела?

– Просто поговорить. А если точнее, то собиралась попросить тебя позавтракать со мной в гостиной матери... то есть моей. Мне нужно с тобой кое-что обсудить.

– Дай мне десять минут.

– Ты успеешь? Я могу подождать.

– Десять минут, – повторила Гленна.

– Спасибо. Я распоряжусь насчет еды.

– Она выглядит... словно готова к бою, – заметил Хойт, когда Гленна подошла к кувшину с водой и тазу.

– Или к чему-то еще. – Гленна опустила пальцы в воду и сосредоточилась. Без душа она, конечно, обойдется, но мыться в холодной воде – это уж слишком.

Она быстро привела себя в порядок, насколько позволяли здешние условия, а Хойт тем временем разжег камин. Не удержавшись, Гленна нанесла легкий макияж.

– Может, она просто хочет обсудить расписание сегодняшних занятий. – Гленна надела сережки, напомнив себе, что их нужно снять во время тренировки. – Помнишь, она предложила награду – один из наших крестов – женщине, которая сумеет сегодня одержать над ней верх.

– Приз – это очень разумно, только я думаю, что кресту можно найти лучшее применение.

– Крестов было девять, – напомнила Гленна, одеваясь. – Пять для нас, один для Кинга – всего шесть. Два мы отдали матери Ларкина и его беременной сестре. Остается девятый. Может быть, он предназначен именно для этого.

– Посмотрим, что принесет нам день. – Хойт улыбнулся, наблюдая, как она натягивает через голову серый свитер. – Как это может быть, ага, что каждое утро ты становишься все красивее?

– Твои глаза испортила любовь. – Гленна прильнула к нему и с сожалением посмотрела на кровать. – Какое дождливое утро. Так приятно было бы еще часок поваляться в постели – рядом с тобой. – Она подставила губы для поцелуя. – Но меня ждет завтрак с королевой.

Мойра по старой привычке сидела с книгой у камина. При виде Гленны она подняла голову и смущенно улыбнулась.

– Мне так стыдно, что я в столь ранний час подняла тебя с постели и оторвала от мужа.

– Привилегия королевы.

Рассмеявшись, Мойра указала на стул.

– Еду скоро принесут. Когда-нибудь – если привезенные и посаженные мной семена взойдут – по утрам можно будет пить апельсиновый сок. Мне его не хватает.

– А я готова убить за чашку кофе, – призналась Гленна. – Хотя в каком-то смысле уже убиваю. Ради кофе, яблочного пирога, цифрового видеорекордера и всего остального, что так ценят люди в моем времени. – Она села и внимательно посмотрела на Мойру. – Хорошо выглядишь. – Таков был ее вердикт. – Отдохнула и, как выразился Хойт, готова к бою.

– Да. Вчера меня переполняли мысли и чувства, и это очень тяжело. Меч и корона по праву принадлежали матери, а мне достались только потому, что она умерла.

– А у тебя нет времени на скорбь.

– Нет. Но я знаю: она хотела бы, чтобы я трудилась на благо Гилла, на благо всех людей, а не отгораживалась от мира, предаваясь скорби. Я так боялась. Не

знала, буду ли подходящей королевой для такого времени.

Она с удовлетворением посмотрела на свои джинсы и сапоги.

– Но я точно знаю, какой королевой я попытаюсь стать. Сильной, даже неистовой. Теперь нет времени сидеть на троне и рассуждать. Политика, протокол – все это подождет, правда? Хотя церемония и праздник были нужны. Но теперь пришло время для пота и грязи.

Принесли еду, и Мойра встала. Потом обратилась к юноше – все еще немного сонному – и служанке, сопровождавшей его.

Говорит легко и непринужденно, отметила Гленна, называет обоих по имени. Юноша, расставлявший подносы и тарелки, был явно удивлен нарядом королевы, но Мойра не обращала на это внимания и, поблагодарив, отпустила – с указанием не беспокоить ее и гостью.

Когда они уселись за стол, Гленна обратила внимание, что Мойра, несколько дней с трудом заставлявшая себя проглотить хотя бы кусочек, сейчас ест с аппетитом, которому мог бы позавидовать даже Ларкин.

– Сегодня я буду упражняться до седьмого пота, – начала Мойра. – И думаю, что это хорошо. Строгая дисциплина нам не помешает. Я намерена тренироваться, но командовать по-прежнему будете вы с Блэр. Нужно, чтобы все видели: я занимаюсь наравне со всеми. Что на мне тоже грязь и синяки.

– Похоже, тебе не терпится начать.

– Бог свидетель. – Мойра положила себе омлет; она научила поваров готовить это блюдо так, как любит Гленна. Взбитые яйца с кусочками ветчины и луком. – Помнишь, какой я была, когда мы с Ларкиным впервые прошли через Пляску Богов и попали в Ирландию? Я могла попасть стрелой в мишень девять раз из десяти, но любой из вас мог без труда опрокинуть меня на землю.

– Но ты всегда поднималась.

– Да, я всегда поднималась. Но теперь со мной не так легко справиться. И это все тоже должны увидеть.

– Ты показала себя воином, когда сражалась с вампиром и убила его.

– Да. А теперь я покажу себя солдатом, который не боится синяков и шишек. Но я позвала тебя не только для этого.

– Догадываюсь. – Гленна налила им обоим еще чаю. – Выкладывай.

– Я никогда не исследовала свои способности к магии. Они у меня не бог весть какие, как ты сама видела. Небольшой дар врачевания и сила, которую могут раскрыть и использовать другие, более сильные. Как делали вы с Хойтом. Я изучала сновидения и читала книги, посвященные их толкованию. И разумеется, книги по магии. Но мне казалось, что мои способности годятся лишь на то, чтобы немного облегчить боль. Или во время охоты определить, в какую сторону побежал олень. Всякие мелочи.

– А теперь?

– Теперь, – кивнула Мойра, – я думаю, что появилась цель и потребность развить эти способности. Мне нужно открыть все, что во мне заложено. И чем больше я узнаю о себе, тем лучше смогу использовать свои способности. Когда я прикоснулась к мечу, сжала ладонью его рукоять, то поняла, что он мой, что он всегда был моим. И еще мне передалась сила – словно в меня подул сильный ветер. Нет, сквозь меня. Ты понимаешь?

– Еще как.

Мойра снова кивнула, не отрываясь от еды.

– Я не обращала внимания на магию, потому что не испытывала к ней особого интереса. Мне хотелось читать и учиться, охотиться вместе с Ларкиным, скакать верхом.

– Заниматься тем, что нравится молодым женщинам, – перебила ее Гленна. – Почему ты не должна была делать то, что хочется? Ты ведь не знала, что

предстоит пережить.

- Нет, конечно. Но мне кажется, могла бы знать, загляни я поглубже.

- Ты все равно не спасла бы мать, Мойра, - тихо произнесла Гленна.

Мойра подняла взгляд от тарелки; глаза ее были ясными.

- Ты словно читаешь мои мысли.

- Потому что на твоем месте я думала бы точно так же. Ты не могла спасти ее. Более того...

- Так было предначертано судьбой, - закончила Мойра. - Я тоже прихожу к такому выводу. Но если бы я разобралась в себе, в своих способностях, то могла бы понять - что-то назревает. Даже если бы это ничего не изменило. Как и Блэр, я видела во сне поле битвы. Но в отличие от нее не придала своим снам никакого значения. Отвернулась от них. Но это дело прошлое. Я не... погоди. - Она искала подходящие слова. - Я не казню себя? Так?

- Да, правильно.

- Я не казню себя. Просто стараюсь измениться. И поэтому прошу уделить мне время и помочь развить то, что во мне есть, так же, как вы помогли мне совершенствоваться в боевых искусствах.

- Хорошо. С удовольствием.

- Я тебе благодарна.

- Рановато благодарить. Это будет тяжелая работа. Магия - искусство и в то же время ремесло. И дар. Хотя сравнение с физической тренировкой недалеко от истины. Способности к магии тоже что-то вроде мускулов. - Гленна постучала пальцами по бицепсу. - Нужно тренировать, наращивать их. Мы практикуем магию, подобно медицине. И это нужно делать постоянно.

– Любое оружие, которое я беру с собой на битву, – еще один удар по врагу. – Вскинув брови, Мойра согнула руку. – Поэтому я буду тренировать эти мускулы и сделаю их настолько сильными, насколько смогу. Я хочу уничтожить Лилит, Гленна. Не просто победить, а уничтожить. По многим причинам. Мои родители, Кинг. И Киан, – прибавила она после некоторого колебания. – Наверное, ему не понравится, что я думаю о нем как о жертве, да?

– Киан не считает себя жертвой.

– Отказывается. Именно поэтому он преуспевает – по-своему. Он пребывает... не могу сказать, что в мире, потому что это слово ему не подходит, правда? Но Киан примирился с судьбой. И мне кажется, в каком-то смысле даже доволен ей.

– Думаю, ты понимаешь его, насколько это вообще возможно.

Мойра в нерешительности передвигала остатки еды на тарелке.

– Он опять меня поцеловал.

– О... – только и смогла произнести Гленна. – О-о.

– Я сама его заставила сделать это.

– Не хотелось бы преуменьшать твое очарование или силу, но не думаю, что кто-то может заставить Киана сделать то, чего он не хочет.

– Может, он и хотел, но не решался, пока я не вынудила его. Выпила лишнего.

– Гм.

– Нельзя сказать, что я была пьяна, – с нервным смешком сказала Мойра. – Нет. Просто вино раскрепостило меня и добавило решительности. Мне хотелось свежего воздуха и тишины, и я поднялась на стену замка. А там был Киан.

Мойра вновь вспомнила, как все произошло.

– Он мог пойти куда угодно – и я тоже. Но этого не произошло, и мы оказались в одном месте в одно время. Ночью, – тихо сказала она. – Музыка и свет почти не достигали нас.

– Романтично.

– Наверное.

– В воздухе уже пахло дождем, который должен был начаться до рассвета, а в небе ярко светился белый серп луны. Мне так хотелось разгадать его тайну.

– Он вызывает любопытство у любого человека. Это естественно, – заметила Гленна. Они обе знали, о чем она умолчала. Киан не был человеком.

– Он был, как всегда, напряжен и сдержан, и это раздражало. И должна признаться, воспринималось как вызов. В то же время... Иногда в его присутствии со мной что-то происходит. Это нечто вроде знания или магии. Идет откуда-то изнутри.

Она прижала руку к животу, потом к сердцу.

– Просто... поднимается из самых глубин. Я никогда не испытывала таких сильных чувств к мужчине. Небольшое волнение, трепет – понимаешь? Приятно, интересно. А тут что-то жаркое и мощное. В нем есть нечто притягательное. Он такой...

– Сексуальный, – закончила за нее Гленна. – Потрясающе сексуальный.

– Мне хотелось знать, будет ли это похоже на тот раз, на тот единственный раз, когда мы оба разозлились, и он набросился на меня. Я попросила его повторить и не приняла бы отказ.

Мойра склонила голову набок, словно удивляясь сама себе.

– Знаешь, мне кажется, я заставила его нервничать. Видеть, как он взволнован, но старается не выдать себя, – это возбуждает не хуже вина.

– Да уж. – Вздохнув, Гленна взяла чашку чая. – Точно.

– А когда он поцеловал меня, я почувствовала все то же, что и в прошлый раз, только гораздо сильнее. Потому что ждала этого. И Киан был ошеломлен не меньше меня. Я уверена.

– Что тебе от него нужно, Мойра?

– Не знаю. Может быть, просто почувствовать тот жар, ту силу. То наслаждение. Это плохо?

– Не знаю... – В голосе Гленны сквозило беспокойство. – Он никогда не сможет дать тебе что-то большее. И ты должна это понимать. Киан не останется здесь, а если и останется, у вас все равно нет будущего. Ты ступаешь на опасную дорожку.

– Опасность подстерегает нас ежедневно, вплоть до Самайна. Я понимаю, что ты желаешь мне добра, и твои слова резонны, но мой разум и сердце жаждут чувства. И мне нужно утолить эту жажду, прежде чем я решу, как жить дальше. И я точно знаю, что не хочу идти в бой, отказавшись от этого только из страха перед тем, что может произойти – или не произойти.

Гленна вздохнула.

– Возможно, мои слова и резонны, но я сомневаюсь, что на твоём месте сама бы послушалась своего совета.

Мойра взяла Гленну за руку.

– Как приятно поговорить с женщиной. Поделиться тем, что у тебя на сердце.

В другой части Гилла, в доме, укрытом от тусклого, рассеянного света, вели беседу две другие женщины.

Для них это был конец дня, а не начало, и они неспешно делили друг с другом «тихую» трапезу.

«Тихую» – потому что человек, чью кровь они пили, не мог протестовать или сопротивляться.

– Ты права. – Лора откинулась назад и изящным жестом промокнула губы льняной салфеткой. Человек был прикован цепями к столу между двумя женщинами: Лилит хотела заставить Лору сесть за стол, а не лежать в постели и пить кровь из чашки. – Встать и поесть как следует – вот что мне было нужно.

– Вот видишь. – Лилит улыбнулась.

Лицо Лоры по-прежнему покрывали ужасные ожоги. Святая вода, которую плеснула на нее эта проклятая охотница на вампиров, причинила ей невероятные страдания и оставила страшные следы. Но Лора выздоравливала, и свежая пища должна была способствовать восстановлению ее сил.

– Тебе нужно еще поесть.

– Поем. Ты так добра ко мне, Лилит. А я подвела тебя.

– Нет. План был хорош, и он почти сработал. И ты заплатила высокую цену. Мне жутко даже подумать, какую боль ты испытывала.

– Я бы умерла без тебя.

Любовницы и подруги, соперницы и враги, они на протяжении четырех веков были друг для друга всем. Но раны Лоры и тот факт, что она едва не погибла, сблизили их еще больше.

– Пока тебя не ранили, я не понимала, как сильно тебя люблю, как ты мне нужна. А теперь, милая, поешь еще немного.

Лора послушалась. Взяв безвольно свисавшую руку мужчины, она вонзила зубы в запястье.

До ожога она была хорошенькой молодой блондинкой, с несколько высокомерным выражением лица. Теперь ее лицо стало багрово-красным,

испещренным незажившими ранами. Но из ее синих глаз уже исчез болезненный блеск, а голос вновь стал звучным и сильным.

– Это было чудесно, Лилит. – Лора вновь откинулась назад. – Но в меня не влезет больше ни капли.

– Тогда я прикажу убрать его, и мы просто посидим вдвоем у огонька, а потом ляжем спать.

Лилит позвонила в золотой колокольчик, чтобы слуги убрали со стола. Она не сомневалась, что остатки не пропадут.

Потом она встала и помогла Лоре перебраться на диван, где заранее разложила подушки и плед.

– Здесь удобнее, чем в пещерах, – заметила Лилит. – Но я все равно с радостью бы покинула это место и переехала в более подходящее.

Устроив Лору, она села сама – царственная в своем красном платье и с заколотыми золотистыми волосами. Ей хотелось придать изысканность этому вечеру.

За два тысячелетия, прошедших после смерти, ее красота нисколько не увяла.

– Тебе больно? – спросила она Лору.

– Нет. Я уже почти пришла в себя. Прости, что я так по-детски вела себя сегодня утром, когда эта сучка пролетала над нами на своем дурацком драконе. Увидев ее, я опять все вспомнила – боль и страх.

– Но мы преподнесли ей сюрприз, правда? – Успокаивая подругу, Лилит расправила плед и заботливо подоткнула его. – Представляю, как она удивилась, когда стрелы отскочили от щита, который возвел Мидир. Ты была права, что уговорила меня не убивать его.

– В следующий раз я не буду плакать и прятаться, словно испуганный ребенок. В следующий раз она умрет – от моей руки. Клянусь.

- Ты все еще хочешь изменить ее, сделать своей подружкой?

- Нет, я не преподнесу ей такого подарка. - Лора оскалилась. - От меня она получит только смерть. - Лора положила голову на плечо Лилит. - Она никогда не смогла бы стать тем, кем стала для меня ты. Я хотела лишь немного развлечься с ней. К тому же я подумала, что она могла бы доставить удовольствие нам обеим - ее сила и страсть выглядели такими привлекательными. Но я никогда бы не полюбила ее так, как люблю тебя.

Она повернула голову, и их губы соединились в долгом, нежном поцелуе.

- Я твоя, Лилит. Навечно.

- Моя милая девочка. - Лилит поцеловала Лору в висок. - Знаешь, когда я впервые увидела тебя - плачущую на темных, сырых парижских улицах, - то сразу поняла, что ты принадлежишь мне.

- Мне казалось, что я люблю мужчину, - пробормотала Лора. - А он любит меня. Но он меня использовал и бросил ради другой. Я думала, что никогда не оправлюсь от потрясения. А потом появилась ты.

- Помнишь, что я тебе сказала?

- Никогда этого не забуду. Ты сказала: «Моя милая, грустная девочка. Ты совсем одна?» Я ответила, что жизнь моя кончена и к утру я умру от горя.

Рассмеявшись, Лилит погладила волосы Лоры.

- Такая драма. Разве я могла устоять перед тобой?

- А я перед тобой? Ты была так прекрасна - словно королева. В красном платье, как сегодня, а волосы сияли и спускались на плечи нежными кудрями. Ты привела меня к себе домой, дала вина и хлеба, выслушала мою историю, осушила слезы.

– Ты была так молода и прелестна. И твердо уверена, что мужчина, который тебя бросил, – это единственное, в ком ты нуждаешься.

– Я уже забыла его имя. И лицо.

– Ты сама шла ко мне, – прошептала Лилит. – Я спросила, хочешь ли ты всегда оставаться молодой и красивой, хочешь ли получить власть над мужчинами? Ты согласилась. Даже когда я пила твою кровь, ты крепко прижималась ко мне и повторяла: «Да, да».

Лора вспоминала то величественное мгновение, и белки ее глаз порозовели.

– Я никогда не испытывала подобного волнения.

– А когда ты попробовала мою кровь, я полюбила тебя так, как никого не любила.

– А когда я снова ожила, ты привела его ко мне, чтобы моей первой кровью стала кровь того, кто меня оскорбил. Мы разделили его – как и многое другое.

– Когда наступит Самайн, мы разделим на двоих всю вселенную.

Пока вампиры спали, Мойра тренировалась на ристалище. Она была вся в грязи и промокла насквозь. Бедро пульсировало болью от пропущенного удара, воздух со свистом вырывался из легких – она еще не отдышалась после схватки.

Но чувствовала она себя просто великолепно.

Протянув руку, она помогла Дервил подняться с земли.

– Молодец, – похвалила королева. – Едва не одолела меня.

Поморщившись, Дервил потеряла пышные ягодицы.

– Ну, вот это вряд ли.

Гленна – руки на бедрах, на голове широкополая кожаная шляпа, уже основательно промокшая, – окинула обеих женщин внимательным взглядом.

– На этот раз ты дольше продержалась на ногах и встала быстрее. – Она одобрительно кивнула Дервил. – Делаешь успехи. Судя по всему, ты способна справиться с некоторыми мужчинами, которые тренируются на том конце поля.

– Она уже справилась с некоторыми мужчинами на том конце поля, – под общий смех сказала Ислин.

– Я знаю, как обращаться с мужчинами, – ответила Дервил.

– Действуй энергичнее, и ты сможешь победить, а не бухаться в грязь. Давайте закончим занятия стрельбой из лука, и на сегодня хватит.

Не успели женщины облегченно вздохнуть, чувствуя, что занятия подходят к концу, как Мойра подняла руку.

– Я еще не состязалась с Кэрой в рукопашном бою. Самое интересное оставила на закуску. Чтобы уйти с поля настоящим победителем.

– Самоуверенно. Мне это нравится. – Шлепая по грязи, к ним подошла Блэр. – Производство оружия потихоньку налаживается, – добавила она. – Мы немного ускорили процесс. – Она запрокинула голову. – Знаешь, так приятно побыть под дождем после пары часов, проведенных у наковальни и горна. Ну, и какой тут счет?

– Мойра расправилась со всеми, кто принял вызов, – на мечах и в рукопашной. Остался поединок с Кэрой, а потом стрельба из лука.

– Неплохо. Я могу отвести остальных к мишеням, пока вы здесь закончите.

Услышав эти слова, женщины громко запротестовали – все хотели посмотреть последнюю схватку.

– Кровожадные, – одобрительно кивнула Блэр. – Это мне тоже нравится. Итак, дамы, освободите им место. На кого ставишь? – шепнула она Гленне, когда

соперницы приняли боевую стойку.

– Мойра азартна и жаждет выиграть. И сегодня уже побеждала. Ставлю на нее.

– А я выбираю Кэру. Она хитрая и не боится пропустить удар. Смотри, – указала Гленна, когда Кэра упала лицом в грязь, но тут же вскочила и бросилась в атаку.

Кэра сделала обманное движение, в последнее мгновение повернулась вокруг своей оси и ударила Мойру ногой в корпус. Удар отбросил королеву назад, но она сумела удержаться на ногах и уклониться от следующей атаки. Перейдя в наступление, она бросила Кэру через плечо, но, повернувшись, увидела, что та вовсе не лежит на земле. Оттолкнувшись руками, она ударила Мойру обеими ногами, повалив в грязь.

Мойра быстро поднялась; глаза ее сверкнули.

– Ага. Я вижу, что твоя репутация – не вымысел.

– Я собираюсь выиграть приз. – Присев, Кэра начала двигаться по кругу. – Берегитесь.

– Давай.

– Хорошая драка, – прокомментировала Блэр, наблюдая за мельканием рук и ног. – Кэра, держи руки выше!

И тут же локоть Гленны вонзился ей в бок.

– Эй, только без подсказок с галерки.

Гленна улыбалась, и не просто потому, что это был хороший поединок, – остальные женщины кричали вовсю и давали советы.

Они стали командой.

Мойра упала на спину и «ножницами» выбила почву из-под ног Кэры. Но когда она перекадилась, чтобы прижать соперницу к земле, Кэра стремительно перебросила ее через голову.

Под сочувственные вздохи женщин Мойра со всего размаху ударилась о землю. Встать она не успела – Кэра уже сидела на ней верхом, прижав локоть к горлу, а кулак к сердцу.

– Вы мертвы.

– Да, черт бы меня побрал! Слезай, ради бога, ты раздавишь мне легкие.

Задыхаясь, она пыталась поднять свое еще дрожащее тело с земли. Кэра соскользнула с нее и уселась рядом, прямо в грязь. Они тяжело дышали, разглядывая друг друга.

– Ты настоящая стерва в драке, – через некоторое время произнесла Мойра.

– И вы тоже – при всем уважении, миледи. У меня синяк на синяке, а сверху еще синяк.

Мойра тыльной стороной ладони стерла с лица грязь.

– Я была уставшей.

– Это правда, но я справлюсь с вами и тогда, когда вы будете полны сил.

– Думаю, ты права. Ты выиграла приз, Кэра, в честной борьбе. Я горжусь, что уступила тебе.

Она пожала руку Кэры, затем высоко подняла ее.

– Вот победитель в рукопашной!

Все бросились поздравлять Кэру и – как это принято у женщин – обниматься. Но когда победительница протянула руку, чтобы помочь Мойре подняться, та

отказалась.

– Я посижу еще минутку, отдышусь. Иди, бери свой лук. Тут уж ни тебе, ни другим со мной не потягаться.

– Мы и за тысячу лет не научимся так стрелять. Ваше величество?

– Да? Боже, я теперь неделю не смогу сидеть, – пробормотала Мойра, потирая бедро.

– Я еще никогда так не гордилась своей королевой.

Мойра улыбнулась, прислушиваясь к себе. Ее взгляд скользнул вверх, туда, где вчера вечером она стояла с Кианом.

Он и теперь стоял там – в полумраке, под дождем – и смотрел на нее. Даже на таком расстоянии Мойра чувствовала его силу, его обаяние – такие, каких не было ни у одного мужчины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/nora-roberts/dolina-molchaniya/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Мильтон Д. Ареопагитика. Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии (1644). Пер. под ред. П. Когана. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)

2

Шекспир У. Король Генрих IV. Пер. Б. Пастернака. (Прим. перев.)

3

Кларет – общее название для красных бордоских вин в Западной Европе.

4

Утесник – дикорастущий ветвистый колючий кустарник высотой до полутора метров, с острыми листьями и желтыми цветами. Произрастает на территории Западной Европы.

5

Дольмен – древнейшее погребальное сооружение из огромных каменных глыб и плит, сложенных наподобие стола.

6

Выражение, приписываемое Фридриху II Великому (1712–1786) – королю Пруссии в 1740–1786 гг. (Прим. перев.)

7

Согласно легенде, император Нерон (37–68) играл на лире и декламировал стихи, глядя на пылающий Рим. (Прим. перев.)

8

Имеется в виду Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными, согласно которой «с военнопленными следует всегда обращаться гуманно». (Разд. II, ст. 13.)

9

Robe deguisee(фр.) – в Средние века элегантная, модная одежда смелого покроя.

10

«Звездные войны» – фантастическая сага американского режиссера Дж. Лукаса, созданная им в начале 1970-х гг. Первый фильм назывался «Звездные войны. Новая надежда».

11

Хаггис – национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов (сердца, печени и легких), порубленных с луком, толокном, салом, приправами и солью и сваренных в бараньем желудке.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/nora-roberts/dolina-molchaniya-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)